

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Выходит с января 2008 года

№ 5 (67)

М А Й

2013

Храм святителя Иннокентия Иркутского, г. Хабаровск.
Фото Геннадия БОГДАНОВА, г. Хабаровск.

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

Тропарь, глас 4

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и Тому Единому работати пламенно вожделев, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

Дорогие друзья!

Если вы готовы помочь нашему изданию регулярно выходить в свет, развиваться и радовать почитателей изящной словесности качественной литературой, если желаете одарённым литераторам найти своего читателя – в ваших силах совершить перевод любой приемлемой для вас суммы на счет «Литературного меридиана».

Номер нашего счета в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Апрель 2013 года

№ 5 (67)

Главный редактор – Владимир КОСТЫЛЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Г.В. БОГДАНОВ, зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

А.К. КАПИТАН, *г. Владивосток.*

Э.В. КОЧЕТКОВА, *г. Владивосток.*

Е.А. КУДРЯВЦЕВ, *г. Владивосток.*

В.Г. СЕРКОВ, *г. Сочи,*

А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, *г. Москва.*

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

И.В. КОНЧАТНЫЙ, *г. Арсеньев.*

В.Г. ХРАМЦОВ, *г. Арсеньев.*

И.И. ШЕПЕТА, *г. Владивосток.*

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

И.В. БАНКРАШКОВА, *г. Хабаровск.*

В.В. БОГДАНОВ, *г. Омск.*

Н.А. ЗИНОВЬЕВ, *г. Кореновск.*

Ю.Н. КАБАНКОВ, *г. Владивосток.*

В.Я. КУРБАТОВ, *г. Псков.*

Р.П. ЛЯШЕВА, *г. Москва.*

Г.В. НАЗИМОВ, *Калифорния, США.*

В.В. ПРОТАСОВ, *г. Владивосток.*

В.М. ТЫЦКИХ, *г. Владивосток.*

Арсеньев
2013

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Критические заметки

«Письма литературным девственникам». Виктор БОГДАНОВ 3

Отечество

«Когда не стало Родины моей». Савва ЯМЩИКОВ 7

Признание

«Твои глаза – мои оковы». Алексей ЗЫРЯНОВ 11

Поэзия

«Не грусти о несбывшемся». Валерий КУЛЕШОВ 12

Проза

«Концептуальное лобби...». Геннадий БОГДАНОВ 14

Поэзия

«Россия любимая, где ты?». Николай ЗИНОВЬЕВ 16

Проза

Прозаические миниатюры. Валентина КОРКИНА 18

Поэзия

«Светились полночи апрелем». Алексей БОРЫЧЕВ 20

Проза

«Настоящий "немец"». Андрей УГЛИЦКИХ 21

Поэзия

«В хлебах кричат перепела». Виктор КОБИССКИЙ 24

Проза

«Четыре секунды». Кир ШУРОВ 26

Поэзия

Стихотворения. Светлана АНДРОСОВА 29

Поэтически и сатирически

«За Рубцова обидно». Вячеслав СЕРКОВ 30

Пристальный взгляд

«Слова, идущие от сердца». Светлана МАЛИКОВА 32

Музыкальная гостиная

Песня «Имя твоё». Сергей МОРОЗОВ, Вера ГУНДАРЕВА 35

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ОТКЛИКИ 35

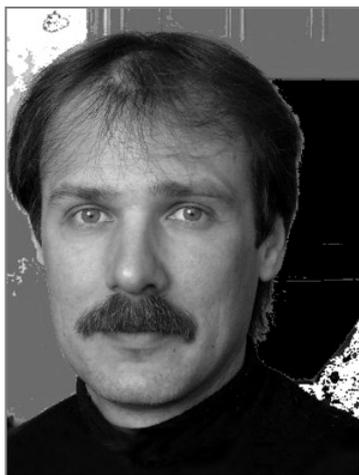
Дорогие друзья!

Редакция «Литературного меридиана» приглашает вас оформить подписной абонемент на второе полугодие 2013 года. Подробные условия – на последней странице в каждом номере.

Кроме того, просим вас обратить пристальное внимание на требования к присылаемым произведениям, также опубликованным на с. 36. Просьба вместе с произведениями присылать качественное фото и краткую биографическую справку (и первое, и второе – в электронном виде) по адресу электронной почты: Lm-red@mail.ru.

Не секрет, что наше издание выпускается на пожертвования. Приглашайте ваших друзей, знакомых, коллег стать подписчиками «Литературного меридиана».

Письма литературным девственникам

Виктор БОГДАНОВ

г. Омск.

Виктор Всеволодович родился в 1972 году в Омске. Поэт, прозаик, эссеист, публицист, критик. Пишет и печатается с 1988 года. Публиковался в журналах «Арион» (Москва), «Вольный лист» (Омск), «День и ночь» (Красноярск), «Журнал литературной критики и словесности» (Москва), «Омская муза», «Сибирские огни» (Новосибирск), «Сихотэ-Алинь» (Владивосток), в альманахах «Голоса Сибири» (Кемерово), «Ликбез» (Барнаул), «Складчина» (Омск), в литературных газетах «Литературная Россия» (Москва), «Очарованный странник» (Ярославль) и др. Автор двух сборников стихотворений. Дипломант Всесоюзного поэтического турнира издательства «Молодая гвардия» (1988). Лауреат региональной литературной премии им. Ф.М. Достоевского (2003). Член Союза российских писателей (1996).

От автора. Безо всякой охоты, под мощным прогрессистским давлением извне, я обзавёлся Интернетом в 37 лет. И, к стыду своему, вопреки своей натуре, сразу же поддался одному из самых распространённых, сильных и отвратительных искушений Паутины: всепоглощающей страсти к написанию комментариев, откликов, реплик, сообщений, к участию в «полемиках» на различных порталах, форумах и в блогах. Больше и дольше всего – около двух лет – я «дискутировал» в «Гостевой» персонального сайта писателя Николая Березовского. Постепенно стал отчётливо понимать, что сия дурная привычка есть, по преимуществу, добровольное – почти бессмысленное и бесплодное – хронокрадение, садомазохизм, способные непрерывно удовлетворять лишь патологических графоманов, пустышек и/или людей, у которых комплекс неполноценности сочетается с гипертрофированным самомнением. А говоря иначе – это прегрешение против самого себя и Господа Бога. Однако я долго не мог преодолеть этот тяжёлый недуг. Наконец, после трёх лет болезни, я, надеюсь, более или менее справился с ней. Перечитав же свои выступления в Сети, я, по здравому размышлению, увидел, что – к счастью – далеко не всё в них сиюминутно, ничтожно и спровоцировано мелкими текущими внешними обстоятельствами. Избранные отрезки моего «плаванья» в Интернете я решил предложить вниманию читателей «Литературного меридиана». Здесь будут высказывания не только о литературе и писателях, но и о политике, экономике, религии, истории, о характерных чертах современного социума и о многом другом. Название заметок обусловлено вот чем. Большинство их всё же касается изящной словесности и является напоминанием, а то и буквальным разжёвыванием вещей и положений, порой – азов искусства, самоочевидных для внушительного числа писателей моего и предшествующих моему поколений – и по смыслу, а иногда и фактически, обращено к тем, кого я люблю именовать **литературными девственниками** (каковым, кстати, можно быть и в 20, и в 50, и в 60, и в 70 лет), то есть к людям, обуянным неукротимой жаждой проявить и показать себя в литературе, но – прежде всего! – скудно для этого поприща образованным, а зачастую бедным интеллектуально и духовно и лишённым таланта или даже малых способностей к словесному творчеству. Таких сейчас – в эпоху Интернета и всеобщей демократии – больше, чем когда-либо прежде, и, возможно, основную их массу никаким просвещением не усовершенствовать. Но ведь капля камень точит! К тому же, и мы, причисленные к якобы знающим, умным и небездарным, не начинаем ли под повседневным влиянием окружающей среды и гнётом преобладающих в мире тенденций незаметно, а потому необратимо деградировать? Вопрос риторический.

Благодарю Николая Березовского за гостеприимство и великодушие, нечаянно послужившие появлению этих заметок.

5 апреля 2013 г.

Маргиналы

Современным неофитам литературы, выросшим на пустом месте, похоже, неведомо, какую роль играли и играют в искусстве, условно говоря, **маргиналы** (да и много чего ещё им неведомо, замечу!). Возьмём только русскую словесность, только пунктирно. Чаадаев, Тютчев, Достоевский, Анненский, далее – на личное усмотрение каждого – целый веер писателей XX века. И далеко не всегда их маргинальность была следствием внешних обстоятельств: очень часто она являлась вполне сознательной, добровольной, даже принципиальной позицией. Характерный пример – Фёдор Тютчев. В прижизненных изданиях своих стихотворений Тютчев не принял никакого участия: одно из них вышло под редакцией Тургенева, второе – редактировали зять Тютчева И.С. Аксаков и сын – И.Ф. Тютчев. Вот что вспоминал о великом поэте, в частности, Аксаков: *«Не было никакой возможности [...] убедить его просмотреть эти пьесы в тех копиях, которые удалось добыть от разных членов его семьи, частью от посторонних»*. Вот это, я понимаю, стратегия! Куда до неё нынешним сочинителям, денно и ночью трясущимся над своими жалкими писульками и публикациями и чуть ли не поголовно метящим в «центровые», не видя, что и центра-то никакого больше нет, и вряд ли когда-то будет!

Звериная серьёзность «творцов»

Даже представители различных школ и течений Серебряного века, при всех измышленных ими жестах, манифестах и декларациях, бросая предшественников *«с корабля современности»*, не относились к себе с такой звериной серьёзностью, как «творцы» эпохи Интернета. Именно поэтому первые что-то (и немало!) создали, а вторые – пока ничего, кроме школьных сочинений, годных разве для стенгазеты. И они были бы достойны лишь жалости, не будь они столь ярыми экспансионистами.

«Мычание» «истинно русских»

Различного рода ляпы выдают искусственность, лживость, казённость произведений многих «истинно русских» литераторов, горячо претендующих на искренность, задушевность, правдивость. Да и неточность – один из главных «фирменных знаков» бездарности. А больше всего в опусах и речах «поэтов-патриотов» бесят меня их претензии на близость к народу и слащаво-отстранённые панегирики крестьянам и крестьянскому труду! *«Чья бы корова мычала!..»* Но «мычат» именно те, кто за жизнь не вырастили мешка картошки, цыплёнка не выкормили, копёнки сена не накосили. А если такое и было у них когда-то – то уж очень давно. Я, горожанин, 15 лет – и каких: 1990–2004! – по собственной воле прожил в деревне, по-деревенски же тяжко трудясь, стал с молодости полуинвалидом, и меня тошнит от их бессовестного словоблудия!

Физиологическая деградация и творчество

На правах сорокалетнего хочу предупредить молодых: после 30-и человек, пусть потихоньку, но всё же физиологически деградирует, стареет. И не говорите мне, что физиология не влияет на творчество и прочие высокие порывы души – ещё как влияет! Так что не теряйте время. Русские и зарубежные писатели-классики, за редкими исключениями, к своим тридцати-сорока годам уже всё – или почти всё – сделали, а вы и в тридцать, образно выражаясь, шалите, как школьники, разминаетесь. На пороге же – если не смерть, то начало прижизненного распада.

Переключка с Кушнером

У Александра Кушнера есть великолепное эссе *«Переключка»*, опубликованное в его сборнике *«Аполлон в снегу»* (Кушнер А. Аполлон в снегу. Заметки на полях. Л., Советский писатель, 1991). К мыслям, высказанным поэтом, стоит отнестись с предельным вниманием.

Любой метод, любой приём может обернуться диаметрально противоположными эффектами: всё зависит от того, как им пользоваться и кто его применяет.

Явное и скрытое, точное и вольное цитирование (а также самоцитирование), буквальные, лексические, стилистические, композиционные и прочие заимствования, различного рода переключки и отталкивания – всё это древнейшие компоненты литературного творчества, движущие и чрезвычайно обогащающие мировую словесность. Кстати, не только авторская литература, но, во многом, и народный фольклор держится на них. Практически ни один значительный поэт или писатель в истории литературы не жил и не творил на пустом месте, на целине. А те, кто пытались это делать, как правило, заслуженно канули в Лету. И модный ныне центон изобретён не вчерашними постмодернистами, как думают многие, а позднеантичными авторами.

В произведениях настоящих писателей всё вышепечисленное служит тонким инструментом, открывающим неожиданные, порой совершенно новые, смыслы, лингвистические нюансы, композиционные и стилистические ходы. Самые удивительные и оригинальные сопряжения, казалось бы, несовместимых вещей и явлений возникают иногда на стыке цитаты или заимствования и авторского текста! Кроме того, центонность зачастую выступает как некий культурный, этический или метафизический код.

Пушкин был наиболее внимательным читателем произведений классиков и современников и чаще, чем кто бы то ни было из поэтов его круга, использовал в своих текстах цитаты, заимствования, интонации других авторов. Хрестоматийные тютчевские строки о Наполеоне: *«В его главе – орлы парили, / В его груди – змии вилась...»*, которые кажутся нам образцом вдохновения, на самом деле – почти буквальное переложение характеристики Наполеона из очерка Гейне *«Французские дела»*: он был гением, *«у которого в голове гнездились орлы вдохновения, между тем как в сердце извивались»*

змеи расчёта». (См.: Юрий Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977). Это – лишь один из тысяч примеров, которыми, собственно, и живы в немалой степени лучшие образцы литературы, как русской, так и зарубежной. И даже Есенин и Клюев, которых принято считать «самородками», этакими крестьянскими парнями от сохи, но с талантом, были, при ближайшем рассмотрении, чрезвычайно начитанными людьми, чьи дарования питались отнюдь не только натуральными прелестями родных им палестин.

Так что цитаты и заимствования под пером талантливого писателя являются одним из основных (но, конечно, далеко не единственным) материалов, образующих произведение искусства. Об этом уже написано множество интересных исследований на примерах сотен авторов. Но вот другая сторона медали (а это тоже очень важно!): человек неодарённый (или скромно одарённый), поэтически несамостоятельный пользуется сей благородной традицией как костылём или лингвистическим протезом, замещающим собственный (отсутствующий) голос (Кушнер: «[...] для переклички нужны два голоса: те, у кого нет своего голоса, не могут позволить себе и перекличку, им нечем перекликаться»), тем самым профанируя лучшие произведения изящной словесности и методы литературной работы, и даже само звание писателя, – эта сторона освещена у нас очень тускло.

Ответы на вопросы Марии Березовской, предложенные читателям персонального сайта Николая Березовского

– Какие темы вы хотели бы видеть освещёнными в современной литературе? Проще говоря: что волнует вас в жизни и о чём вы хотели бы почитать?

В жизни меня уже волнует только одно: изменится ли – и насколько существенно – моё нынешнее внутреннее состояние, моё отношение к этой самой жизни, к смерти, к себе и к другим до того как я умру? Думаю, литература, тем более современная, ответить мне на этот вопрос не может по определению. В лучшем случае, она может сказать: да, такое возможно. Но это я знаю и без неё.

– Интересно ли вам читать русскую и зарубежную классическую литературу, или вы читаете её только как литературный памятник, и она по-настоящему не задаёт вас за живое?

Даже самая сильная любовь когда-нибудь проходит: жизнь – до сумасшествия длинная вещь. Я считаю себя человеком постлитературным. То есть: когда-то в молодости я столкнулся на своём пути с литературой, она меня очаровала и затянула, я провёл в её владениях более двадцати лет и в каком-то смысле тоже – внутренне – стал литературой, ибо временами она была мне первой и единственной реальностью, а теперь... Я, скажем так, вышел из этого царства, пройдя его насквозь и посетив, исследовав многие просторы его и закоулки. И сегодня мне, по большому счёту, интересен лишь сам

феномен литературы, на который я смотрю посторонним или **потусторонним** взором, не в силах однозначно решить единственный вопрос: что есть литература, метафизическое она явление или же явление всего-навсего антропологическое?

Если говорить конкретнее, то настоящих, неразгаданных чудес в литературе осталось для меня очень мало. Например, в русской прозе – один Андрей Платонов. Сколько бы я его ни перечитывал, я по-прежнему не могу к нему охладеть и понять тайну его невероятного языка, его взгляда на универсум, его мышления и чувствования.

А моим повседневным средством для укрепления духа и возвышения над окружающим и над самим собой являются три книги, всегда лежащие на моём рабочем столе: Библия, «Размышления» Марка Аврелия в переводе Роговина и «Письма к Луцилию» Сенеки.

– Считаете ли вы, что можно приобрести писательскую славу? Что для вас известность? Множество публикаций и книг? Мелькание в СМИ? Литературные премии? Большие тиражи? Любовь читателей? Или что-то иное?

Мне всё это неинтересно – как само по себе, так и в непосредственном сопряжении с моей скромной персоной.

Иоанн Богослов и гопник

Да, и лучшие образцы светской литературы, пожалуй, могут отчасти быть проводниками, связующими звеньями между миром дольным и миром горним. Смущает меня одно: что словом пользуются и Рильке, и какой-нибудь Иван Сидоров, причём оба считаются поэтами, и что есть Иоанново Слово – и слово современного гопника. И, с формальной точки зрения, это одни и те же слова.

За стихи – смерть!

Пока был бесцветным мальчиком, сочинявшим полудетские стишки о берёзках и птичках, – ходил в «молодых дарованиях», «подающих надежды», и все меня любили и привечали. А как только стал самим собой, начал обретать какой-никакой стиль и писать значительно лучше – так почти все окрестные литераторы меня возненавидели. И наконец я дожил и дописался до того, что, в один прекрасный день, мне за мои стихи публично (!) пожелали смерти. Заметьте: не за подлые поступки, не за уголовное преступление – за плохие, по мнению рецензента, стихи! Таковы литературные нравы.

«Диссиденты» XXI века

Среди характерных черт текущего литературного процесса на Руси: тупое (именно тупое – то есть без труда хоть какого-то осмысления!) игнорирование всего, что стилистически, лексически, тематически и семантически не укладывается в рамки того или иного «мейнстримчика». И сколько интересных

писателей – уверен! – сидит в эпоху «свободы и демократии» по своим углам в пренебрежении или опале! Не меньше, чем при «советской власти», ей-богу! Вот ведь что страшно.

Прошлогодний снег в царстве посредственности

Думаю, говорить сейчас нужно не об отдельных писателях и чьём-либо субъективном отношении к ним, а о нашем обществе. Какой аристократизм? Какая иерархия? Какой литературный канон?.. Это всё – прошлогодний снег. А мы – кто постарше – действительно морально устарели: никак не можем смириться с тем, что на дворе демократия – царство посредственности, в переводе на русский. И основных способов бытия в этом царстве всего лишь два: бесцеремонное уничтожение и уничтожение одних – и бессовестное и безудержное превознесение других.

Когда кого-то незаслуженно низводят – это ещё полбеды. А вот когда незаслуженно приподнимают – беда. Так коллективными стараниями приподняли в сверхписатели замечательных Набокова и Булгакова (или, из зарубежных, Милорада Павича), а величайшего писателя XX века Андрея Платонова – просто забыли в набежавшей тени, в месте, ставшем чуть ли не задворками, даже как следует не прочитав. Жаль не Платонова – жаль первых. И жаль русскую литературу, лик которой искажают сегодня ничуть не меньше, чем прежде.

* * *

Посмотрите на писания нынешних «выдающихся» критиков и иже с ними! Что несут эти **литературодевы** и **литературоеды**!

Есенин и сопля люмпена

Да, Есенина часто умаливали – и продолжают умаливать по сей день. Журналисты, либеральные критики и прочая *образованщина*. А народ, «широкие массы»?! Разве они не сузили, не опошили Есенина пуще первых?! Я его стихи терпеть не мог до поры до времени. Всё стояла у меня перед глазами картинка: Есенин как камертон для соплей надравшегося люмпена. Вот так великий Есенин! И только, когда году, кажется, в 1990-м я прочитал трёхтомное Собрание сочинений Сергея Александровича, с прозой, статьями, письмами и полным корпусом стихотворений, я наконец открыл для себя настоящего Есенина.

Охотники на «пушкинского» зайца

Когда-то напечатали в омской литературной газете моё эссе «Привет от декабристов». И тут же наши провинциальные «прогрессисты» закидали меня бородами цитатами из советских учебников и публично «лишили» Чести и Достоинства – ни больше ни меньше! За что? Да за то, что посмел вякнуть о национальной святыне следующее: невежественны, эстетически,

этически и политически несостоятельны. Посмел противопоставить Пушкина («наше всё») и декабристов (тоже, видимо, «наше всё»), чего никому на ум будто бы и в страшном сне не приходило. Позволил себе ехидно заметить, что пресловутый **заяц** не зря перебежал Александру Сергеевичу дорогу. Сравнил Пестеля с Троцким. И даже имел наглость объявить декабристов не благодетелями, а врагами России. И хоть бы прозвучали в отповедах мне адекватные аргументы! Нет, повторюсь, зашвыряли меня либералы махровыми штампами из «Краткого курса ВКП(б)». Пусть лучше буду тварью недостоинной, но считать, что благо родной страны начинается, в частности, с убийства царя, не могу. Да ведь и сказано человеку **безусловно**: «*Не убий!*». ...А как бы, думаю, они хотели и **зайца** пристрелить, чтоб Пушкину дал проехать к «*светлому будущему!*»!

Неандертальцы XXI века

Надо же в конце концов и омичам, и публикующимся легионам всяя Руси начинать выходить из пещер, из состояния 12-летнего подростка-девственника, пишущего гладкие школьные сочинения в стилистике соцреализма или «авангард» вековой давности!

«Прогрессисты» и обыватель

У всех «прогрессивных» деятелей во всех сферах (хоть в искусстве, хоть в науке, хоть в экономике, хоть и в аквариумистике) давным-давно нет ничего нового (если вообще когда-либо было!). Они – «передовые» только по званию, по «звону», а по сути – вечно отставшие, позавчерашние. Именно на такую же дремучую аудиторию инертных обывателей все их слова, изобретения и деяния всегда и рассчитаны. Поэтому **большую** часть человечества, в том числе – теперь и Россию, им удалось очаровать и сделать абсолютными и **восторженными** рабами придуманного «прогресса».

Монолит

Николай Березовский в статье «*Не в моём стелиться нраве...*»: «*Очень уж монолитна серая литературная масса в провинции, чтобы позволить сверкнуть на её фоне истинному таланту. Она или давит талант своей монолитной тяжестью, или выдавливает его со «своей территории» куда подальше, или, что самое страшное, затягивает, подобно «чёрной дыре», в себя, превращая в незрачную частицу этого монолита.*»

Исчерпывающее описание основных «дорог» для таланта в провинции. Добавить просто нечего.

Угораздило!

Как, оказывается, я был прав, десятилетиями держась от «литературной жизни» в стороне, на приличном расстоянии! Да вот угораздило под старость лет Интернетом обзавестись. И теперь убеждаюсь не умогнительно: это («литжизнь») даже не помойка, это – клоака.

(Продолжение следует.)

Савва ЯМЩИКОВ

Савва Васильевич Ямщиков
(8 октября 1938 года — 19 июля 2009 года) – известный русский реставратор, историк искусства, публицист.

Савва Васильевич возродил сотни произведений иконописи, уникальные собрания русских портретов XVIII–XIX вв. из различных музеев России, вернув тем самым многие забытые имена замечательных художников.

С.В. Ямщиков – автор многочисленных научных трудов, книг, альбомов, каталогов о русском искусстве.

Когда не стало Родины моей...

От редакции. Имя Саввы Ямщикова вот уже несколько десятилетий ассоциируется в обществе с борьбой за сохранение культурного наследия России. Сегодня мы начинаем публикацию отдельных глав из книги С. Ямщикова «Когда не стало Родины моей» (М.: Алгоритм, 2010.) – книги, наполненной пронзительной правдой о «новых вседозволенных временах» и «вечных судьбах».

Такие книги редки во все времена, они не залеживаются на полках книжных магазинов. Они – результат мучительных поисков земной и горней правды, они – о нас и для нас...

ТАК С КЕМ ЖЕ ВЫ, МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ?

Сейчас даже отнюдь не смышленому человеку понятно, чем обернулась для России бархатистая перестроечная революция конца прошлого века. В повседневном труде нарабатывавшиеся многострадальным нашим народом богатства пущены были на ветер комиссарами – исполнителями воли лениных, троцких, свердловых и иже с ними. Растерзанная в клочья нация сумела за короткий срок воссоздать государственную мощь, удивив мир достижениями в экономике, науке и культуре. И снова воспитанные

партийцами последователи «верных» марксистов без зазрения совести прихватизировали оставшееся бесхозным народное добро. Горбачев и Ельцин, словно зазомбированные, униженно взирали на стаи предприимчивых грабителей, провозгласив страшный девиз «Берите, сколько сможете утащить». И утащили, оставив миллионы людей страдающими, преждевременно уходящими из жизни, погибающими в Чечне или от ножей и пуль разгулявшейся рвани, едва сводящими концы с концами.

Ну а что же наши славные мастера культуры? Наиболее хваткие и предприимчивые из них, объединенные умением снимать пенки далеко не с молока, прекрасно вписались в «демократическую» ситуацию. Собиравшиеся раньше на кухнях, за столиками творческих ресторанов, поигрывая в диссидентство, да только не вступая в конфликт с законом и чураясь тюремного режима, на чем свет несли они Бондарчука, Бондарева, Пырьева, Хренникова и прочих коллег по цеху, имевших доступ к номенклатурным кладовым. Доставалось от них даже близко не допускаясь к кормушке провинциальным талантливым самородкам Распутину, Носову, Белову, Астафьеву, сумевшим стать любимыми писателями русского народа. Ах, как хотелось обиженным и обойденным барской любовью творцам взять в свои руки ключи от спецраспределителей! Казалось, с юморком писал Окуджава в одной из песенок, как зайдет он со временем «К Белле (Ахмадулиной) в кабинет, заглянет к Фазилю (Искандеру)». И ведь дождался талантливый бард счастливых времен. Прежде всего дошел до ушей новых бар – ельцинской клики – кровожадный вопль Окуджавы, Мордюковой и других народных артистов СССР: «Раздавите гадину, дорогой Борис Николаевич!» Знали они – «гадины» типа Руцкого и Хасбулатова обижены не будут, а то, что сотни чистых, вовсе невинных людей погибнут в крошечном аду «Белого дома», их не волновало. Это Короленко, Чехов, Полонин, Серов и другие светочи нашей культуры плакали и отказывались от почетных званий и привилегий, увидев кровь на петербургском снегу в 1905 году. Нет, нынешние, наоборот, постарались урвать со стола распоясавшихся хозяев куски пожирнее.

Разве снились прошлым мастерам культуры панибратство и беззастенчивость нынешних «просветителей народных»? Я все время спрашиваю себя: когда они устанут увенчивать друг друга бесконечными премиями, призами, титулами, денежными вознаграждениями и даже памятниками? Да-да, я не оговорился, именно памятниками!

Забыв о том, что во всем мире существует правило ставить монументы людям творческим лишь по прошествии полувекового срока, наскоро слепили они на Арбате скульптурный ансамбль в честь Окуджавы. Не беда, что чем-то напоминает статуя эта пошленькие памятникчики дешевому проходимцу Остапу Бендеру. Порыв души поэта, призывавшего раздавить сотни людей в октябре 1993 года, сполна оплачен.

Удивляюсь я, как торопятся владельцы денежной массы в России воздвигнуть во что бы то ни стало

и как можно скорее монумент другому поэтическому «классику» современности – Иосифу Бродскому. советы, конкурсы, поспешные решения сопровождают порыв славильщиков стихотворца, о котором мудрая Ахматова, стареющая львица, позволяющая неуклюжим щенкам пошалить рядом с собой, прорекла библейски: «Какую биографию большевики делают Рыжему!» (К слову, нынешние постбольшевики у власти так же лепят славную судьбу Лимонову, далеко ее не заслуживающему!) Забыли инициаторы установки статуи Нобелевскому лауреату, среди которых интеллектуалы класса М. Пиотровского – верного «хранителя Эрмитажа», что нет в России памятников Пастернаку, Ахматовой, Цветаевой, Тютчеву, Шостаковичу, Прокофьеву, Станиславскому. Продолжение списка этого займет несколько строк. Забыли они напрочь почти евангельские строки о том, что «быть знаменитым некрасиво». Да какое уж тут Евангелие, если во всеуслышание с экранов своего телевидения и со страниц собственных газет называют они себя «духовной элитой нации»! Титул сей прочно закрепился за «бессмертным» жюри премии «Триумф», возглавляемым делопроизводительницей Зоей Богуславской – верной музой Вознесенского-поэта. Бумажником сей премии, щедро оттопыренным г-ном Березовским, распоряжается один из верных слуг ельцинской семейки – Шабдурасулов. И ведь берут украденные у народа денежки элитные лауреаты. Как-то юная журналистка спросила у одного из «бессмертных» – Юрия Башмета (лет пятнадцать назад, посмотрев мои передачи об искусстве русской провинции, пригласил он меня в свою рубрику «вокзал мечты», и о тех днях остались самые светлые воспоминания), не жгут ли руки лауреатов «березовые» деньги. Услышав ответ маэстро, я опешил. Он сравнил Б. Березовского с властелинами Венгрии – Эстергази, платившими Паганини, и с баронессой фон Мекк, помогавшей любимому ею Чайковскому. Обжегся на денежках триумфальных В.П. Астафьев (Царствие ему Небесное). Получил десяточку тысяч грязно-зеленых и не заметил, как запел осанну ельцинской камарилье, потеряв такого друга, как совестливый русский талант Валентин Распутин. Совершив опрометчивый сей шаг, жаловался он потом, что по ночам снится ему иркутский друг и, просыпаясь, он плачет, зная, что не может с ним поговорить.

С мастеров культуры не всегда строго спросишь – богема, понимаешь. Наши культуристы берут деньги у криминала и заодно народ просвещают. «Пипл схавает», – как любит выражаться политидеолог нынешней России телеакадемик Познер.

Так с кем же вы, мастера культуры?

ТЕЛЕВИДЕНИЕ, ТЫ ЧЬЁ?

Недавно мне позвонил артист Валентин Гафт. Я люблю этого искреннего, взрывного, эмоционального, по-настоящему остроумного и отзывчивого человека, с которым знаком не один десяток лет.

Самобытный и одаренный актер одним из первых

Фото Игоря ФЕДОРОВСКОГО, г. Омск.

откликнулся на мой призыв почтить память величайшего творца отечественного кинематографа – Ивана Герасимовича Лапикова, написав для создаваемого музея волжского самородка проникнутое любовью эссе, где назвал его «Шаляпиным русского театра и кино». Посылая Валентину журнал «Север» с подборкой о Лапикове, я вложил в конверт несколько своих последних статей и интервью. «Старик, я полностью разделяю твои взгляды на окружающую нас действительность и боль за тяжкую судьбу нынешней России, – взволнованный голос Гафта не оставлял сомнения в его неподдельном переживании, созвучном моему душевному настрою. – Только почему ты печатаешься лишь в «Литературке» и в «Завтра»? Надо рассказывать об этом на телевидении, ведь когда-то твоя программа на ЦТ пользовалась успехом у зрителей».

Дорогой Валя, извини, на твое искреннее пожелание видеть меня на телевидении могу ответить лишь массой вопросов, возникающих всякий раз, когда включаю я «глупый ящик для идиотов».

Почему, скажи мне, Валентин, с утра до вечера не вылезают из телекоробки бездарные люди, старающиеся зрителя рассмешить? Ведь только зомбированные люди могут без чувства брезгливости смотреть на пошлые потуги казаться остроумными всяких аркановых, винокуров, ширвиндтов, петросянов с женами, уставшего от незаслуженной популярности Жванецкого с засаленными листочками, по которым читает он полувековой давности протухшие остроты. Не странно тебе смотреть, как разомлевшая от летней жары аншлаговая компания Дубовицкой, обнажив свои не первой свежести телеса, пудрит мозги жителям русской провинции в страдную пору, когда нужно урожай собирать, а не Кларой Новиковой и Шифриным быть облапошенными? А стал бы ты за обеденным столом шутить с Новоженковым, человеком, лишенным не только чувства юмора, но и абсолютно серым и скучным? А не хочется ли тебе сказать все, что ты о нем думаешь, ростовскому полуплейбою Диброву, путающему Толстого с Достоевским, Москву с Петербургом,

но чувствующему себя на равных с людьми значительными, талантливыми и действительно умными? Мне кажется, окажись на его передаче сам Бог, он и его, похлопав по плечу, опустил бы до уровня своих заказчиков образца Гусинского или Эрнста.

Талантливый русский композитор Валерий Гаврилин еще лет тридцать назад написал, что чем хуже жизнь в стране, тем больше пошлого юмора на сцене. Что бы он сказал нынче?

А не устал ли ты, дорогой Валентин, от постоянной лжи телевизионных гуров образца Киселева, Познера, Сванидзе и им подобных? Не вздрагиваешь ли ты, когда Познер, еще лет пятнадцать назад поливавший Америку зловонной грязью, требует теперь от нас жить по стандартам второй его родины? Не страшно ли тебе было слышать его, когда он назвал свою передачу о гибели «Курска» творческой удачей? Меня, например, корчит, когда я вижу его змееподобную улыбку, сопровождающую размышления главного телеакадемика, вещающего о том, какие нынче «времена». А сколько у этого раздавальщика тэфиевых статуэток апологетов и последователей!

Случилось мне в день начала варварского вторжения бушевских стервятников в Ирак оказаться в Афинах. Греческое телевидение по всем каналам передавало гневные и высокопрофессиональные репортажи своих корреспондентов, на экранах постоянно высвечивались логотипы: «Боже, покарай варваров!», «Господи, помоги невинным жителям Ирака!», «Когда кончится этот кошмар?» Улицы Афин, прилегающие к американскому посольству, осаждали десятки тысяч протестующих против варваров XXI века.

А на нашем «самом первом» канале доморощенная Шарон стоун – Сорокина – посадила на судейские скамейки пронафталиненных маргиналов: образца предателя всего и вся экс-министра иностранных дел Козырева, уставшего от собственной правоты и непогрешимости псевдокоммунистического глашатая Бовина. Не моргнув глазом, пропели они осанну любимцам своим американским и убедили зрителей, что для России иракский кризис опасности не представляет, коснуться нас не должен и «любимый город может спать спокойно». И сколько радости было в глазах бывшей теленапарницы циника и лгуна Невзорова, как упивалось сие невинное дитя медоточивыми излияниями ничтожных своих кумиров!

А не хочется ли тебе, Валентин, сказать пару ласковых слов ослизшему от лжи Караулову, беззащитно нацепившему на свой парадный мундир орден кавалера «Момент истины»? Этот пай-мальчик, наделав столько пакостей на заре становления в России воровской рыночной экономики и эрзац-демократии, упивавшийся поступками клики Ельцина и восторгавшийся кумирами образца лживой сирены Митковой, обличает теперь жуликов, переживает за народ и, вместе со своим крокодилем, съев немереное количество народных денег (на честно заработанные его супердачу не приобретешь), льет ручьями фальшивые слезы. Задавался ли ты, Валентин, вопросом, почему нашими телесобеседниками являются только

обозначенные мной выскочки, не дающие и слова сказать людям синими взглядами, убеждениями и манерой держаться? Когда ты в последний раз видел на экране Валентина Распутина, Василия Белова, Александра Солженицына, когда слышал с экрана о Владимире Максимове, Леониде Бородине, Татьяне Глушковой (куда уж нынешним обласканным и увешанным премиями поэтам до ее стихотворения «Когда не стало Родины моей...»), Александре Гинзбурге, Владимире Осипове? Зато, словно больного касторкой, пичкает нас канал «Культура» аморфной болтовней пошляка Ерофеева, откровениями неоткровенного Войновича, а самое страшное – фиглярскими шоу министра Швыдкого? Не охватывает ли тебя ужас, когда ты читаешь еженедельные заголовки в телепрограммах: «Русский язык без мата не существует», «в России любят только за деньги», «Музеи – кладбище культуры», «Русский фашизм страшнее немецкого»? Я не трусливый человек, но я боюсь этих передач, ибо они напоминают мне сцены из фильма «Кабаре» и обстановку в Германии начала тридцатых годов прошлого века, – а ты знаешь, к чему привели выходы тогдашних швыдких.

Чаша моего терпения переполнилась при лицемерии последнего министерского прикола под названием «журналистам русский язык не нужен». Какое-то временщики оплевывали самое святое, что нам дано от Бога, – слово, которое было в начале начал. И шоумен-министр скалозубил вместе с «образованцами», поддакивал им, вместо того, чтобы возбудить уголовное дело в защиту отечественной словесности. А резюме сего непотребного зрелища, прозвучавшее из уст министра, не поддается описанию. согласно министерской логике, вся история становления русского языка зиждется на варваризации «великого и могучего» каждым последующим поколением писателей и поэтов. А самый главный варвар, оказывается, «наше все» – Александр Пушкин. Варвар по отношению к Гавриле Романовичу Державину; варвар, коленапреклоненный перед певцом Фелицы; варвар, с юношеской пылкостью воскликнувший: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил!»

Поверь мне, Валентин, когда я смотрел издевательскую вакханалию над русским языком, слезы подступали к горлу и слышалось мне: «Распни его, распни!» Успокоился я лишь на следующий день, когда получил очередной номер стоящего на страже традиций родного языка журнала «Север», где были опубликованы последние стихи иеромонаха Романа, и среди них четверостишие «Родная речь».

*Родная речь – Отечеству основа.
Не замути Божественный родник,
Храни себя: душа рождает слово,
Великий святорусский наш язык.*

Словами псковского подвижника и обережемся, Валентин, от суетливых нечестивцев, прячущих под псевдокультурной личиной непотребство и цинизм.

Так чье же ты, «родное» телевидение?

Твои глаза – мои оковы

Алексей ЗЫРЯНОВ

г. Тюмень.

Алексей Викторович окончил «Тюменский торгово-экономический техникум». Публиковался в газетах «Литературная Россия» и «Московский железнодорожник», в «Невском альманахе» и литературном ежегоднике «Молодой Санкт-Петербург», а также в региональных журналах «Врата Сибири» (Тюмень), «Вольный лист» (Омск), «Литературный меридиан» (Приморье), а также в журнале «Иерусалимский журнал» (Израиль).

Каждому дано увидеть то, что суждено увидеть. Чего не нужно разглядеть – мелькнёт невидимой строкой за край видений. Мир зримый – декорация судьбы, которая сама рисует нам картину жизненного фона, где лишний персонаж – понурый облик на холсте, а избранный судьбою человек нам предстаёт осознанной фигурой.

О, Муза, ты – самый ясный образ! От взгляда моего ничто не ускользает, твои глаза с оттенком бирюзы листвы меня пронзают, твои ресницы заставляют моё сердце таять. Всем этим не обманут я, а лишь пленён, но не фантазией ума, а волшебством твоих глубоких тайн. Я взгляд твой каждый раз пытаюсь разгадать, и каждый раз я, как влюблённый парень, всё заново на память оставляю – намёки твоих глаз, которые как будто понимаю.

Твои глаза лучатся счастьем, сверкают остриём от гнева – так много чувств они в наш мир людской наружу источают. Мне жаль, что раньше я не видел этот праздник чувств и цвета. Какой момент, Катюша! Какое время упускаю... ну и пусть. Гораздо лучше видеть всё в твоих глазах сейчас: тех детских лет твоих и юности цветенье, где есть ярчайший образ смеха, а грусть – тускнеющий оттенок. Всё минувшее – в твоих глазах: твои мечтанья, мысли, грёзы. В них жизнь твоя, на звёздный сон похожая, в неясных очертаниях, ушедших в прошлое, но видимых всегда перед очами любопытных лиц. Детство, отрочество, юность – всё в твоих глазах. Я поцелую их, но губы лишь коснутся мизерной частички океанской глади, ведь так малы мои уста для поцелуя, чтобы охватить все памятные времена из твоих лет, уплывших в радужные дали.

Мир тел – лишь мир неясных оболочек, просящих возбуждения, в противовес душе, что тонет чаще в стороне – в сияющей, светлейшей тишине необозримой вечности. И лучиком душе так сложно проникать обратно к нам с небесных высей. Мы забываем о душе, когда кричат тела, как дети. Мы успокаиваем плоть, давая ей вкусить пустышку из перечня исполненных желаний, но остаёмся без души и до смешного голыми, как лебеди без перьев. Тела растут, и множатся греховные дела, как надоевшие игрушки, а беззащитная душа о нежности мечтает: ей хочется любви, но жизнь мешает, тогда душа стремится умереть, ведь её мир вверху, куда лишь можно улететь и где вся боль способна таять.

И только взгляд твоих зелёных глаз, Катюша, всем огонькам земным и звёздам с неба замена много лучше. Невидимая глазу темнота под оболочкой тела сковала ясный свет души. Я вижу свет и слышу этот голос – он принадлежит тебе, как и душа моя к тебе по части с каждым годом отдаётся, растворяясь в глубине твоей. Я без упрёка потерять себя в тебе готов. Надеюсь на твоё внимание: я лишь тобой влюблён, а это – правда, и этой правдою живу с большим желанием.

На публике могу вести себя обычно: в обыденной манере и легко, но встретив облик твой, Катюша, – как тут же волны искр в спящем сердце вспыхнут, всю будничность раскрасив радужным сияньем. Улыбка, голос, взгляд – мне их забыть опасно, ведь так их плен приятен, и день мой весь проходит не напрасно. Твои глаза, как тёплые объятия, идущие от сердца, заманивают душу до конца, заставив ауру мою тянуться до тебя, пока не истлевает нить из серебра, сгорающая в смертной плоти. Серебряная нить скрепляет душу с телом, и только на волшебных нитках держится весь мир.

Зелёный свет в глазах твоих и мягкая улыбка – те самые волшебные моменты: когда я сам увижу их, не разочаруюсь в этой жизни, ведь всех чудес не просто нам заполучить – их нужно заслужить. И в глубине душа томиться будет век, но упорхнуть нисколько не боится, лишь опасается в последний миг с тобою не проститься: ты самый важный человек. О счастье личном угадаю по твоим очам: коль ты меня не отторгаешь – счастлив я, а если отстраняешь, то и сгорит душа моя от гневного укора твоих глаз. Передо мной лишь только ты: и наяву, и в памяти. Катюша, я люблю тебя.

Валерий КУЛЕШОВ

г. Владивосток.

Нет грусти о несбывшемся

Валерий Ермолаевич окончил Киевское высшее военно-морское политехническое и Военно-политическую академию им. В.И. Ленина. Служил на Черноморском и Тихоокеанском флотах, в политическом управлении Тихоокеанского флота, прошёл путь от матроса до капитана первого ранга.

Печатался в «Литературной России», сборниках МГУ имени Г.И. Невельского «Паруса», в журнале «Сихотэ-Алинь». Автор книг стихотворений «Не спеши, исчезновенье», «Три возраста любви», «Распятие». Победитель международного конкурса «Моё прочтение советской классики». Преподаёт в ТОВМИ им. С.О. Макарова. Доктор философских наук, профессор.

* * *

Снежило невесомо и обильно
с седьмого неба в белой тишине.
Я шёл один, и было так обидно,
что падал зря такой волшебный снег.

* * *

Нежданная сентябрьская
вечерняя гроза.
Твои сверкают майские
под зонтиком глаза.
И улица, умывшись, вся
лоснится серебром.
Нет грусти о несбывшемся,
а есть лишь дождь и гром;
да ты, такая странная,
да холод фонарей.
И будоражит тайною
твой свет из-под бровей.
«Жаль, всё на свете временно», –
не к месту молвишь ты...
К земле дождём приклеены
опавшие листья.
И в прошлом тьма нелепостей.
А впереди – тоска.
Вот дом наш – мрачной крепостью.
В замке – щелчок курка.
В наш дружный быт неискренний
шагну я за тобой.
Дверь грохнет, словно выстрелит
судьба в затылок мой.

* * *

Наверно, слишком Бога прогневил.
Я зря взывал к Его равнодушию,
чтоб Он тоску о ласке и любви
вселил в твою пустующую душу.
Нет, не вселил. И крик любви моей,
взывавшей к ней в то горестное лето,
абсурдным был, как твой замок на ней,

а там, внутри, – ни эха, ни ответа.
И странным стало всё: мой зов мечты
и номер на двоих, и наши роли,
и те, тобой сожжённые, мосты,
которые до встречи я построил.
Естественным же было в этих днях
одно лишь ощущение потери,
настолько переполнившей меня,
что я в неё предпочитал не верить.

* * *

Над ночью одинокая луна
в поблекшей равнодушной амальгаме.
Но есть она – и даль освещена,
и вроде брезжит путь перед глазами.
Вот так и ты – бесстрастно холодна.
Дороги наши – разные, как прежде.
Твоя, увы, не мной освещена,
моя – тобой, дающей нить надежды.

А вдруг...

Короткая встреча у общих знакомых...
А вдруг неслучайно скрестились пути
за дальней тоской самолётного грома,
за далью глухой в полпланеты почти?

Ответ не найдём, если жребий не брошен.
Бери карандаш – переделаем жизнь:
с надежды срисуй меня очень хорошим
и в этот рисунок возьми и влюбись.

Я сделаю то же, не веря рассудку,
что сбыться нельзя столь красивой мечте,
что жизнь обернётся жестокою шуткой,
сведя нас для вечного счастья – не тех.

Даст Бог, что не скоро ту горькую чашу
нам выпить придётся с тобою вдвоём
за эту Любовь, настоящую, нашу...
Вот если б мы стали достойны её!

«Я выхожу замуж»

Сердце ёкнуло – в пропасть сорвался.
Крик беззвучный сквозь тело – волной.
Жизнь кончалась, пока раздавался
в телефоне твой голос родной.

Где я взял столько сил в те мгновенья
(знать, летел в параллельных мирах),
если мог говорить поздравленья
и на фоне тех слов умирать?!

Бог чуть-чуть подстелил мне соломы –
знать, решил не для счастья спасти,
а для мук от таких переломов,
что вовеки не смогут расстись.

* * *

Он любил. Как не мстить за измену,
если боль неотступно остра!
Разве может монашкой смиренной
смолкнуть в келье вселенская страсть!
Разошлись. Тут бы грому взорваться
над повинной шальной головой.
Но не грозные планы коварства,
а любовь стала мщеньем его.
Мстил он ей пожеланием счастья,
мстил участием чутким в судьбе.
А вселишь обиды и страсти
впряг в тяжёлую долю побед.
И поэтому жизни высоты
покорял за пределами сил.
Мстил ей славой красивого взлёта,
всей судьбою завидною мстил.
Спело песню победную мщенье
у финала земного пути:
всё, чем жил, и любовь, и свершенья
он единственной – ей – посвятил.

* * *

У чувств моих неся исправно службу,
мне сердце повторяет вновь и вновь,
что чувства нет прекраснее, чем дружба,
и нет мучений горше, чем любовь.

* * *

Сердце растерянно мечется между
жаждой и страхом увидеть Её:
тёплой ладошкой – в ладони надежда,
шепчут сомнения мненье своё.

Столько внутри чувств
от нежного взрыва,
сколько вместить не способна душа –
ноет тоскливо на грани разрыва
болью немой её трепетный шар.

Где там гармония, музыка? Что вы!
Бухает кровь над горячим виском.
Дни, как вагоны с откоса крутого,
дико корёжась, летят кувырком.

Делает даже весь мир неисправным
взмахом неласковым женская бровь...
Это и есть та, что пишем с заглавной
буквы на фоне Вселенной – Любовь.

Если же сбудется: ласки, объятия,
вечное счастье с любимой вдвоём...
Что там – с Любовью?

Слезайте с кровати:
выпить пора на поминках её.

* * *

Берегла в душе, любила
принца – выдумку свою,
и мечта годами стыла
у надежды на краю.
Вот и старость. В поздний вечер
смерть открыла в спальню дверь...
Ты вздохнула: значит, встреча
будет на небе теперь.

* * *

Где Она? В какой живёт сторонке?
Ведь иголку в стоге не найдёшь.
Но душа наивнее ребёнка,
верящего в сказочную ложь, –
и ему под звонные удары
праздничных курантов в Новый год
долгожданный, радостный подарок
Дед Мороз взаправду принесёт.

* * *

С ума сходите, девушки, пока
ума немного. Это вам простится.
Ведь не сумеет после сорока
вот так, безумно, женщина влюбиться.
В тоске утонет, выныанчит мечту,
в объятиях бессонных встретит утро –
но в ней, как часовые на посту –
познание жизни, опытность и мудрость.

* * *

Прости мне тот нечаянный обман,
мои слова, объятия и взгляды...
Влюбился я нелепо, без ума,
а посему надеюсь на пощаду.
Во всём виновен образ, идеал,
которым не была ты и не стала.
Как сказку с явью – в детстве кинозал,
мечту с тобой душа соединяла.
Но срок настал – прозрел я, как ни жаль.
Развеялись туманы наважденья.
О, как скучна открывшаяся даль!
О, как прекрасно было заблужденье!

* * *

Обронил лебедь перья в синеющий пруд,
чтобы я отразил их своими зрачками
и отправил по небу к тебе облаками.
Видишь: перья по сини озёрной плывут...

Концептуальное лобби и консьерж-сервис,

или Как меня пытались развести по «мобиле»

Геннадий БОГДАНОВ

г. Хабаровск.

Геннадий Валентинович родился в 1948 году в Хабаровске. После службы в армии работал художником-оформителем, водителем, автомехаником. В девяностых годах руководил литературным объединением имени Петра Комарова при Хабаровской писательской организации. Публиковался в журнале «Дальний Восток», в литературных альманахах Хабаровского и Приморского краёв, г. Омска. Автор поэтических сборников «Ничто», «Пока дышу», «От сего дня», «Этюды». Заместитель главного редактора журнала «Литературный меридиан».

Во время Великого Поста, как правило, начинаются самые сильные искушения. К этому наблюдению можно относиться по-разному: беспокойно ждать неприятностей, постоянно остерегаясь попасть впросак, или, не заморачиваясь особо, не заострять внимание на древнем постулате и жить в обычном ритме. Но, как любит повторять мой приятель, бывший капитан подплава: «А куда ты денешься с подводной лодки?» Что означает – чему быть того не миновать.

Искушения начались сразу после прощенного воскресенья в первую седмицу Великого поста. Участились звонки на мой мобильник. Чаще всего звонили по разным пустякам, а самое неприятное то, что звонки раздавались в самое неподходящее время, когда я находился за рулём автомобиля да ещё в сложной дорожной обстановке. Благо очередной злополучный звонок не застал меня врасплох, ибо у меня было часа три свободного времени до очередного выезда на линию, и я преспокойно читал свежий номер журнала «Фома». Моё умиротворённое чтение прервал звонок мобильного. Приятный баритон весело ошарашил:

– Привет, старик! Наконец-то дозвонился до тебя. Связь, видимо, по трассе плохая. Ну что, не ожидал? Вот в отпуск вырвался, лечу к тебе. Ты не подумай чего, я не с пустыми руками еду. Полмашины гостинцев везу. Что молчишь? Забыл, что ли, своего старого друга?

– Э-э-э... – невнятно протянул я, судорожно припоминая, кому мог принадлежать приятный баритон. – Может, вы ошиблись номером? С кем я разговариваю?

– Зачем обижаешь, дорогой? Давай вспоминай скорей, кто у тебя из старых друзей живёт в Приморье? А я пока газу прибавлю. Мне ещё часа два до тебя пилить, – озадачил меня «старый друг».

И правда, повод для удивления был. В Приморском крае есть у меня несколько замечательных друзей и хороших знакомых. Самые близкие нередко приезжают в гости, или останавливаются у меня, когда прибывают в Хабаровский край по важным делам. В свою очередь, я каждый год во время отпуска по дороге к морю навещаю друзей, заезжая в Лесозаводск, Арсеньев, Большой Камень, Находку и Владивосток. Ещё есть знакомые в Уссурийске. Разбуди меня глубокой ночью, и я сразу узнаю голос любого из своих друзей. Но приятный баритон даже отдалённо не напоминал ни один из знакомых мне голосов. Я почему-то вспомнил о странных встречах, которые изредка происходили со мной на протяжении последних 20-ти лет. Обычно такие встречи случались в городской суете. Здоровается со мной за руку человек примерно моих лет, называет меня по имени и, как обычно, заводит банальный разговор о житье-бытье. И всё бы хорошо, но мне до боли знакома только внешность собеседника. Имени его и обстоятельств, при которых пересекались наши пути, не могу вспомнить. Обычно я стараюсь побыстрей расстаться, сославшись на нехватку времени. Пожелав друг другу здоровья, мы расходимся. После таких встреч меня преследуют угрызения совести за свою несовершенноую память, и неприятный осадок в душе остаётся надолго.

Мои тяжкие думы прервал очередной звонок:

– Ну что, брат, вспомнил меня? И не стыдно тебе старых друзей забывать? – в унисон моим мыслям пропел баритон.

– Простите, уважаемый. С кем я всё-таки имею честь разговаривать? – спрашиваю я раздражённо.

– Ну, ты даёшь! Не ожидал от тебя такого, старых друзей забываешь. Мы, конечно, лет восемь с тобой не виделись, но я-то тебя помню. Давай, брат, вспоминай скорей.

Пристыжённый, начинаю вслух перечислять всех своих приморских друзей:

– Сергей у меня в Большом Камне, Анатолий там же, Валерка во Владике, Михалыч, Степан из Уссурийска. Из самых близких Володя, Санёк...

– Вот! – перебил меня «старый друг» – Наконец-то! Конечно, Санёк!

Я уж думал, ты совсем память потерял. Это надо отметить. У меня здесь пара литров «Парламента» с собой есть. Скажи, я ещё по дороге хорошего чего возьму!.. – бодрый голос не давал мне опомниться.

– Саня, послушай, не напрягайся, – пробормотал я, уступая натиску «старого друга». – Я раньше-то не пил, а сейчас вообще не употребляю. Что-то я твой голос никак узнать не могу, богатым будешь.

– Спасибо, друг! Да куда ещё богаче? Бизнес у меня процветает. А голос... так это я простыл недавно. Думаю, пару деньков у тебя отдохну, водочки с перцем жажну – как рукой снимет. Надеюсь, встретишь меня?

– Встречу, конечно. Только я сегодня на смене. Мне на выезд через час. Попрошу сына, он встретит тебя на въезде в город. У него жёлтые «Жигули».

– Добро, договорились, до встречи!

Через полчаса «приморский друг» вновь позвонил:

– Ну что, сынок твой встретит? Я уже на подходе к городу. Слушай, если ты водку не пьёшь, может, вина хорошего взять или коньяка дорогого? Надо же за встречу выпить, сколько лет не виделись!

– Нет уж, уволь. Понимаешь, Санёк, не хотел тебе говорить, но у меня печёнка пошаливать стала, на травах да на таблетках сижу.

– Ладно. Приеду, разберёмся. Я сейчас трубу бросаю, гаишники впереди. Пока! – озабоченно произнёс Санёк.

Телефон молчал недолго. Голос «друга» сильно изменился. Веселье куда-то исчезло.

– Беда, брат, выручай! Тормознули на посту «гаеры» за телефон стали предъявлять, алкотестер сунули. Короче, влип по полной. Остаточное у меня. Я их старшему тридцатку зарядил, а он не берёт. Правильный какой-то. Выручай, дорогой!

– Чем я-то тебе могу помочь?

– Поговори с гаишником. Давай вдвоём уговорим его. Я больше могу дать. У меня валюта есть «зеленью». Поручись за меня. Скажи хоть пару слов. Я ему сейчас трубку передам.

– погоди, а на каком посту тебя остановили?

– Да здесь недалеко, при выезде из Биробиджана. – «прокололся» приморский друг.

– Понятно... Скажи-ка мне, Саня, твоё отчество и фамилию, а то за кого я буду просить гаишника?

– Как за кого? – возмутился Санёк. – Савчук я, Александр Николаевич.

– А... Савчук... – включаюсь я в навязанную мне игру, уже ни в чём не сомневаясь. – Так бы сразу и сказал, а то битых два часа голову мне морочишь. Помню я тебя, помню, Савчук Санька. Ну, давай трубку своему гаишнику.

В мобильнике что-то щёлкнуло, и зазвучал чётко поставленный самодовольный голос с командными нотками. Моё воображение рисовало сытого человека, чью плотную фигуру туго обтягивала полицейская форма:

– С вами говорит капитан полиции Кравцов Семён

Петрович. Прошу вас представьтесь, чтобы я мог продолжить наш разговор.

– Здравствуйте, – в тон ему отвечаю. – Сенцов Пётр Семёнович...

Не замечая подвоха, «гаишник» продолжает:

– Так, хорошо, Пётр Степанович...

– Семёнович, – поправляю я незадачливого «гаишника».

– Хорошо, Пётр Семёнович. Кем вам приходится задержанный с остаточным алкогольным опьянением Савчук Александр Николаевич?

– Савчук – мой старый приятель. Много лет знаю его с положительной стороны. Может быть, можно по-хорошему решить проблему?

– Вы же понимаете, Пётр Сергеевич...

– Семёнович, – вновь поправил я «полицейского».

– Извините, Пётр Семёнович. Я обязан задержать автомобиль вашего друга и поставить его на арест площадку, а самого Савчука посадить на 15 суток. Вы же знаете, какая сейчас идёт борьба с коррупцией! Кстати, мы обследовали автомобиль Савчука. Правда, ничего запрещённого не нашли, но в машине много всяких вещей. Дорогие вещи, знаете. От продуктов питания до парфюмерии и постельного белья. Савчук говорит, что всё это вам везёт. Я здесь весь в камерах слежения и в микрофонах, а он мне деньги суёт. Вы правильно меня поймите.

– Послушай, командир, – запросто обращаюсь я к «капитану полиции». – Неужели нельзя ничего сделать? Не бывает безвыходных ситуаций. В конце концов, можно простить человека.

– Значит так, – голос «капитана» понизился почти до шёпота. – Помочь, конечно, можно, но при полном доверии друг к другу и без всяких там выкрутасов. Я не хочу терять свои погоны. Берите быстро ручку и записывайте... – «гаишник» чётко продиктовал десятизначный номер. – Записали? Так, хорошо. На этот номер срочно положите 20 000 рублей, и я постараюсь решить дело в пользу вашего друга.

– Добро, командир. Только ещё одна маленькая деталь: продиктуйте, пожалуйста, номер вашего нагрудного знака. «Капитан» был явно не готов к такому повороту дела. Забыв о камерах и микрофонах, «полицейский» сорвался на крик:

– Что ещё такое? Как это понимать?! Вижу, вы не доверяете мне! Я упрячу вашего Савчука надолго. Буду действовать строго по закону. Мы ещё раз осмотрим его машину, и я не уверен, что не найдём там запрещённые предметы, такие как оружие и героин!

– Воля ваша, – ответил я на его угрозы. – К тому же, на данный момент у меня нет таких денег, как и нет друзей, которые управляют автомобилем в алкогольном опьянении. Флаг вам в руки, действуйте по закону.

Больше телефонных звонков от «старых друзей» не поступало.

Пора было выезжать на линию. С автопарковки я выехал на трассу и включил приёмник на любимой волне «Вести-FM». Диктор бодро и весело рекламировал элитное жильё в престижном районе: «...Недорого! Первый взнос – всего 10 миллионов рублей! Концептуальное лобби и консерж-сервис!»

Оставалось грустно улыбнуться и продолжить свой путь.

* * *

Вспомнится давнее-давнее:
Дворик с травой густой,
С яркими синими ставнями
Домик саманный, простой.

Еду к отцу моей маменьки
На молоко и на мёд.
Кто хоть когда-нибудь маленьким
Был, меня, знаю, поймёт...

Больше и вспомнить мне не о чем,
Не во что ткнуться душой.
Дальше пошли одни мелочи
Жизни по сроку большой.

* * *

Я не пахарь и не воин
У своей родной земли.
Я поэт. Мой ум раздвоен,
Словно жало у змеи.

Я поэт. Счастливой доли
Быть не может у меня,
Как нет запаха у соли,
Как нет вкуса у огня.

* * *

Я бьюсь над смыслом бытия,
Но ты войдёшь с улыбкой влажной,
Возьмёшь халат свой за края –
И ничего уже не важно...

Кем эта власть тебе дана?
В судьбу на радость и на муку
Тебя швырнул мне сатана
Или Господь привёл за руку?

Бессмертие

Тучи сизые нависли.
Глубь России. Ночь. Вокзал.
«Понимаешь, нету жизни», –
Мужику мужик сказал.

Прокатилась по буфету
Эта фраза. Стали пить:
«Наливай! Где жизни нету,
Там откуда смерти быть?»

* * *

Когда не радуется уже
Сердца родимая природа –
Мы на последнем рубеже...
Попятный шаг – и нет народа.

Апокалипсис в России

Когда Господь сойдёт с небес,
Он всех низвергнет в ад, карая.
И только очередь в собор
Переведёт к воротам рая.

* * *

Я не знаю, куда нас несёт
Наша тройка, в былом удалая,
Но бросает её и трясёт
Так по русским холмам, что растёт
Каждый миг население рая.

* * *

Где русские тихие песни?
Хотел бы их слышать. Вотще.
Крикун же заморский, хоть тресни,
Мне нужен, как волос в борще.

Где русские квасы и каши?
Где русский на избах венец?
Где русские женщины наши?
Где русская речь, наконец?

Россия любимая, где ты?
Какой смёл тебя ураган?..
Остался на ветку надетый
Небьющийся русский стакан.

У монумента жертвам гражданской войны

Над легендарною тачанкою
Плывут неспешно облака.
И ветер песнь поёт печальную
В гранитных гривах. На века
Застыли кони оголтелые,
На постаменте солнца блик,
Кладу к нему букет гвоздик.
Гвоздики красные и белые...

Старая фотография

Это – старая улица Мира.
Золотые, родные года!
Я, как странник на пачке «Памира»,
Там остался душой навсегда.

Пусть там хаты стоят не по нити,
И плетни пацанятам по грудь,
Вы на окна, на окна взгляните! –
Без решёток они. Вот в чём суть.

Не замай!

Мы песни поём, коль нам плохо.
И плачем, коль нам хорошо.
Да, мы не от мира. От Бога.
Вы нас не замайте ужо.

Теснили нас разные орды.
Врывались к нам в сумрак избы
И конские жаркие морды,
И танков холодные лбы.

И был в своё время, как НАТО,
Зело популярен Мамай,
И Гитлер, и... Хватит? Не надо?
Ну то-то. Смотри, не замай!

Прозаические миниатюры

Валентина КОРКИНА

г. Курск.

Валентина Михайловна – лауреат литературной премии имени Е. И. Носова, автор шести книг, автор журналов «Дальний Восток», «Молодая гвардия», «Наш современник», «Север» и других, член Союза писателей России.

Дед да баба

Они стояли на остановке с четырьмя большими корзинами яблок: очевидно, возвращались домой с дачи. Худенькая шустрая старушка, издали увидев автобус, засуетилась:

– Дед, бери скорей корзины, а то не влезем: народу в автобусе, поди-ка, полно...

Дед был колоритен: плотный, крупноголовый, с густой седой шевелюрой, он всё время широко и открыто улыбался, абсолютно не стеснясь выставляемого при этом напоказ единственного переднего верхнего зуба – тоже крупного, под стать всему его облику, сахарно-белого.

Подожёл автобус. Бабуся со своими корзинами поспешила к средней двери, а её супруг, всё так же безмятежно улыбаясь, поднял свой громоздкий багаж на заднюю площадку.

– Да ты что, дед, – все ноги отдалил своими корзинами, – раздался возмущённый женский голос. Послышалось негромкое успокаивающее бормотание нашего героя, а вслед за ним – дружный смех. Что сказал окружающим его женщинам этот жизнерадостный человек, не знаю. Что говорил им потом, тоже неизвестно. Только смех на задней площадке уже не смолкал. Изредка в него вкрапливался изнемогающий женский голос:

– Ой, дед, больше не могу...

Но «смешитель» не унимался:

– А вот, бабоньки, я вам ещё расскажу...

– Дед, дед, – надрывалась со средней площадки его бабка, – сейчас нам выходить, слышишь?

Автобус остановился, старушка вышла. Каким-то чудом сообразил выскочить в последний момент и её супруг-весельчак. Поставив на землю корзины с яблоками, он с недоумением стал озираться вокруг: видно, так увлёкся разговором с «бабоньками», что знакомые места перестал узнавать.

– Вот клоун, вот клоун, – беззлобно ругалась старушка, – и когда ты только перестанешь на баб смотреть...

С лица деда по-прежнему не сходила улыбка, и его единственный зуб во рту сверкал белизной и невинностью.

В Зазеркалье

Она стояла в вестибюле университета перед зеркалом, причёсывалась – женщина с коротко стриженными каштановыми волосами, заметно посеребрёнными у висков. До начала конференции оставалось минут двадцать, народу было ещё совсем мало: она пришла одной из первых. Работая расчёской, спокойно и холодно, как и всегда в последнее время, подумала: «А ведь он тоже придёт, наверное...»

Открылась входная дверь, и эта мысль стала реальностью: в вестибюль вошёл он. Она увидела не самого мужчину, а его отражение, – в большом, во всю стену зеркале, в котором – совсем близко – видела и себя, причёсывающую волосы, с поднятыми к голове руками, как бы загораживающими ими своё лицо.

Увидела и замерла: «Узнает? Заговорит?»

Мужчина шёл от двери, глядя прямо перед собой – в пустоту. Шёл мимо зеркала, ни разу не повернув к нему головы. Почти не дыша, она смотрела туда, где его отражение приближалось к её отражению... «Увидит? Узнает?»

Мужчина мельком взглянул на женщину, застывшую у зеркала с поднятыми к причёске руками... Нет, не так: его отражение бросило мимолётный взгляд на её отражение и... прошло мимо, скрывшись за краем волшебного стекла.

Женщина вышла из забытья, опустила уставшие руки и почти облегчённо вздохнула: «Ну вот и всё... Он не узнал меня даже там – в Зазеркалье. Не узнал, не окликнул, не поздоровался, не сказал тёплого слова... Вот и хорошо, вот и стало всё наконец-то совсем-совсем ясно, яснее не бывает... А может, он просто сделал вид, что не заметил меня? Но зачем?.. Боже мой, кажется, я опять начинаю...»

Её губы тронула слабая привычная усмешка – над самой собой.

«Полюби меня!»

Когда мальчик был ещё совсем маленький – лежал в кроватке, учился сидеть, вставать, ползать по полу, пытался ходить – мама, папа и бабушка часто брали его на руки, целовали в щёчку и ласково говорили: «Я тебя люблю».

Когда ребёнок падал, разбивал себе нос или колени, болел, плакал – мама, папа или бабушка так же нежно целовали его в щёчку, говоря при этом неизменное: «Я тебя люблю».

И малыш сразу успокаивался.

Наступило время – мальчик вышел «в свет»: сначала в ясли, потом в детский сад... Там, конечно, он уже не получал столько тепла, внимания и ласки, как это было дома. И когда его пребывание в учрежденческих стенах омрачалось чем-либо, или его особенно сильно одолевала тоска о маме, папе и бабушке, он начинал плакать, подходил к воспитательнице и просил её: «Полюби меня!»

Та, не зная, как реагировать на просьбу малыша, каждый раз недоуменно вскидывала вверх брови, растерянно улыбалась и думала о том, что мальчика в семье, очевидно, не очень-то жалуют...

А он всё не успокаивался, ходил за воспитательницей по пятам и, захлёбываясь слезами, умолял её «Полюби меня!»

Решившись, она рассказала однажды обо всё матери мальчика, не преминув намекнуть ей о том, что не мешало бы, мол, относиться в семье к ребёнку более внимательно. Улыбаясь, родительница объяснила в чём дело: мальчик привык, что дома его утешают, целуя в щёчку со словами «Я тебя люблю», и поэтому воспринимает поцелуй как любовь, сливая оба понятия в одно. Так что, надоедая воспитательнице своими просьбами, он хочет всего-навсего, чтобы его успокаивающе чмокнули в щёчку.

...Неразумное детство. Оно давно кончилось, мальчик стал взрослым, многое понял и, конечно, вряд ли помнит свои притязания на особое внимание к нему со стороны чужих людей. А вот мама его до сих пор вспоминает тот разговор с воспитательницей детского сада. Но – теперь уже без улыбки, с печалью в глазах, потому что, помня это беспомощное «Полюби

меня!», видит в давнишнем поведении сына что-то символическое. То, что может понять только мать, ибо знает, что никто и никогда не будет любить её ребёнка – со всеми его достоинствами и недостатками – так, как любит она.

Чудо моё

Ожидание первой весенней грозы – с молнией, громом и ливнепадным дождём – для меня всегда похоже на ожидание чуда. Вот прогрехочет она над не совсем ещё проснувшейся после зимней спячки землёй и разбудит все дремавшие в ней силы. Проглянет нежной зеленцой сквозь коричнево-чёрный ковёр прошлогодних палых листьев и всякого мелкого мусора трава-мурава, вспыхнут жёлтые огоньки одуванчиков, украсят себя серёжками берёзы... Всё! – пришло долгожданное тепло, надевай при выходе на улицу лёгкую курточку, вдыхай полной грудью воздух, вместе со всем живым на белом свете набирайся силы, радуйся очередной весне...

Как всегда, после первой весенней грозы я с нетерпением начинаю ждать другое чудо: появление радуги. Проходят дни и недели, а весёлой разноцветной арки на небе всё нет и нет... И вот – наконец-то! После не знаю уж какого по счёту дождя посмотришь вверх и замрёшь от радости: висит краса небесная!

О, эта радуга! Может быть, это знак, утверждающий счастье земного существования? Знак Божественной любви к людям, взыскующий такого же ответного чувства, а также любви друг к другу? Посмотрите, сколько в ней различных цветов и оттенков, нет только одного – чёрного: цвета смерти, цвета страха и ненависти.

Кто из нас не пытался в детстве добежать до одного её конца, казалось бы такого близкого... Нет, никому не удавалось достигнуть желаемого. Бежишь к ней, а она от тебя всё дальше и дальше, и тает, обесцвечивается прямо на глазах, пока не исчезнет вовсе.

Радуга... Есть в ней что-то мистическое, заставляющее тебя забыть о том, что ты давно уже взрослый человек и пора бы забыть «романтические бредни», по неволе возвращающие тебя в детство.

До сих пор не могу смотреть на это чудо равнодушно, спокойно, без «глупых детских мыслей в голове». Вот и теперь, увидев над Курском огромный, вымытый до блеска, сияющий разноцветными полосами полукруг, мне всё кажется, что он висит не только над нашим городом, но охватывает и объединяет своими «крыльями» огромные пространства, расположенные за его пределами. Во всяком случае, думаю я, под эту невесомую, парящую в небе арку уж точно попадает и моё родное село в Ульяновской области, и все живущие в разных уголках земли люди, которых я помню и люблю. И я надеюсь, что в этот момент они тоже смотрят на радугу и так же, как я их, вспоминают меня. А что делается с воздухом? Он звенит и поёт, и со всех сторон тихо, но явственно доносятся слова: «Я люблю тебя»... «И я... люблю...», – это вплетается в общий хор мой голос.

Да, радуга – это чудо, а чуду подвластно всё.

Алексей БОРЫЧЕВ

г. Москва.

Светились полночи апрелем...

Кандидат технических наук, член СП РФ.

Автор нескольких книг стихотворений и публикаций в периодических изданиях «Юность», «Нева», «Наш современник», «Московский вестник», «Вестник российской литературы», «Окна», «Вокзал», «Литературный меридиан», «EDITA», «Семь искусств», «День поэзии», «Литературная газета», «Культура», «Истоки», «МУЗА», «Сияние лиры» и др.

От редакции.

Поздравляем Алексея Борычева с 40-летним юбилеем. Яркого Вам творчества!

Весенние строки

Весна возвращается белой стрелой,
Небесной, воздушной, крылатой,
Пронзая ледовый звенящий покой
Кристалльно морозных закатов.

И тихо бегут по полям, по лесам
Лимонные сполохи марта;
И дни, расправляя свои паруса,
Срываются с зимнего старта,

Плывут и плывут осиянные дни
По небу, по солнечным водам
Туда, где мечты разжигают огни,
Где пьяные мреют восходы.

Там бликами полный блистает апрель,
Мерцает и пляшет по лужам
Под шорохи мглы, под лесную свирель,
Нелепо, смешно, неуклюже.

И ландыш, собрав ослепительный май
По каплям росы на листочках,
Поспешно уходит в июневый край
Последней весеннею строчкой.

Раскольцованы времена...

Раскольцованы времена
Раскалённостью прожитого.
Мысли пишут мне письма
Из внезапного, из другого...

И границ, и пределов нет
Ни случайностям, ни законам.
И скучает лампадный свет
По молитвам да по иконам.

Параллели весны иной
Опоясали мир привычный.

За стеною ли, за спиной,
За отчаяньем – плач скрипичный.

И не то чтобы старость вдруг.
И не то чтобы нет исхода.
Просто чей-то ни далёкий друг
Не дожждётся уже восхода.

Светились полночи апрелем...

Светились полночи апрелем,
Цвели прозреньем времена
Они в огнях весны созрели,
Роняя в вечность семена...

И дней ручьистых перезвоны,
И шёпот тёплых вечеров
Пытались нам открыть законы
Непроницаемых миров,

Где разговаривает небо
С Землёю птичьим языком,
Где тает в марте первым снегом
Необратимости закон.

Где оживают камни истин,
Вдыхая звёздные ветра,
Где облетают скорби листья
С сухого дерева утрат.

Где бесконечное – конечно!
Где, разложим по степеням
Тревог,
          смеётся мир беспечно,
Смотря в лицо грядущим дням.

И лиловато-серебристый
С небес я слышу смех его...
А май стоит, такой лучистый!
Как волшебство! Как божество!

Настоящий «немец»

Андрей УГЛИЦКИХ

г. Москва.

Андрей Клавдиевич родился в 1955 году в г. Салавате (Башкирия). Окончил медицинский институт и Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького. Детский врач. Доктор медицинских наук. Публиковался в журналах «Новый мир», «Москва», «Юность» и др. Автор двух книг стихотворений. Член Союза писателей РФ. Основатель и главный редактор интернет-издания «Журнал литературной критики и словесности» (<http://www.uglitskih.ru>).

Давно это было. Задумал один председатель колхоза собакой обзавестись. Да не простой, а самой что ни на есть, породистой. Речь – о немецкой овчарке. Слабость у председателя к немчуре этой, лающей, имелась. Осталась с войны, поскольку угораздило бедолагу нашего в молодости фронтовой плену хлебнуть. Да такого, что не приведи Господь! Через все прошел. И через голод, и через холод, и через унижения. Почти два года в Германии... А вот овчарки немецкие, как ни странно, приглянулись ему неприхотливостью, спокойствием, преданностью. И вот сейчас, когда вопрос встал о том, какую завести себе собаченцию – а ведь надо же и дом охранять, и за двором присматривать – председатель долго и не раздумывал: а что думать-то – овчарка немецкая! Только черная как смоль, небольшая, с умными преданными глазами...

Никто из соседей и знакомых блажь эту – завести себе животину заграничную – если честно, так и не одобрил. К чему велосипед изобретать? Ведь в деревне Большие Камёнки, «столице» центральной усадьбы колхоза имени Буденного, коим и руководил герой наш, Дмитрий Александрович Небольсин, и своих собак хватало. Всяких. Выбирай любую! Правда, в основном из дворняг пустолаистых. Впрочем, встречались и кавказцы, и восточно-европейские... В общем, никто не понял председателя нашего в тот весенний день, когда двинулся он за тридевять земель в соседнюю Тамбовскую область, в питомник служебного собаководства тамошний, эмвэдэшный, в котором служил однокашник его еще по ветеринарной академии – майор Рукавишный.

Рукавишный встретил Небольсина тепло, по-свойски. Как водится, обнялись, расцеловались. Еще бы – пятнадцать лет не виделись – с тех самых пор, как Небольсин по окончании «ветеринарки» уехал в одну сторону – в Калужскую область, а Рукавишный – в другую, в Тамбовскую сторону сподобился-направился... Как в песне, в общем. Майор познакомил Дмитрия Александровича со своим семейством: с супругой Ларисой и дочками Дашей и Клашей. Дочуры были рыхлые и губастые, все в мать. Сели за стол. Выпили, закусили. Выпили еще и вновь налили. И рассказал Небольсин о нужде, которая привела его к старинному знакомцу. И обнадежил гостя майор: да мы тебе такого щенка выберем – век благодарить будешь! Наутро и двинулись выбирать, не откладывая в долгий ящик. Отбирали и отсеивали, отсеивали и отбирали... Даже кучу малу из молодняка устраивали, ожидая кто в итоге, первым на самый верх выберется. И экспертов-собаководов всех повыслушали, и бумаги родословные все поперебрали... И выбрали ведь самого лучшего! Рукавишный – широким жестом – дарю, мол, Дмитрий, на правах старого друга! Фройдшафта ради, так сказать. Пользуйся. Владей. Вспоминай. Ферштейн зи? Но Небольсин заупрямился: нельзя даром, не положено. Собака цену должна иметь, хороших денег стоить. А иначе – что с нее спрашивать! Тем более, щенок-то, действительно, лучший. Самый лучший. Элитнейший германец. Отец – чемпион ГДР, мать – мировая чемпионка. Ферштейн зи, камрад-геноссе Рукавишный? Настоял, короче, на своем, сполна заплатил. Не в одну председательскую зарплату обошелся чистопородный лающий «ганс» калужанину. Сунул Небольсин дорогостоящее приобретение свое в мешок, попрощался с товарищем и был таков.

Долго ли ехал, быстро ли, но доехал. Все село сбежалось, сошлось – на вину пялится. Виданное ли дело – в кои-то веки немчурку настоящую в село калужское занесло! Дорогушью! Запинаясь, по складам, читали родословную – больно уж клички эти заморские трудно выговариваемые. Нет, уважение к немчику большое было, что и говорить! А щенок – он и в Африке – щенок: веселый, общительный. Полюбился ему угол в председателевом доме, на кухне, прямо за печкой. Нравилось Вольфгангу (это так

по документам, а в просторечии – Воле, Вольке) играть с тряпичной куклой старшей дочки Небольсина, тем боле, что сама председательская дочь уже давным-давно выросла, и в Москве-городе на ветеринарного врача училась.

Однако не все жизненные радости – такие уж радости. Жить бы да радоваться Дмитрию Александровичу, да не тут-то было. Довольно быстро выяснилось, что Воля почти не растет. Потом очевидным стало и еще одно: на овчарку-то немецкую, ту, которая грезилась председателю, Воля никак не становился похожим. Разве что мастью – черной. А вот, все остальное... Уши у него так и не встали, продолжая висеть лопухами, раскачиваясь в такт при беге или ходьбе, зато хвост стал с возрастом предательски заворачиваться в калач как у дворняжки какой! И чего только встревоженно недоумевающий Небольсин не предпринимал – и в Калугу возил – специалистам тамошним показывать, и питание усиливал, витаминных одних скормил тьму тьмущую, да все напрасно! Ветеринары только руками разводили, поскольку понять ничего не могли: не должно, мол, дорогой Дмитрий Саныч, такого по стандартам сей славной немецкой породы быть! Напрасно массировали иностранцу уши, прибинтовывали к ним деревянные палочки – шпатели, которыми доктора горло больным смотрят, надеясь, что вот-вот встанут лопухи окаянные – только время зря потеряли...

А когда через полгода Воля так и остался невысоким, не выше взрослой таксы, с отвислым, как у таксы, едва ли не волочащимся по земле животом, с висячими ушами и хвостом, окончательно свернувшимся в калач, – село смеяться стало над своим незадачливым председателем. Обдурили, мол, дурака нашего на четыре кулака! Бракованный товарец всучили, выходит, бестолковому, неведому зверушке, а он и схавал! Сначала смеялись вполголоса, тихарились, потом уже и в открытую пошли. Впрочем, Небольсину и выслушивать хулу эту было, как всегда, некогда – то посевная, то уборочная, то комбайны получать, то крыша на ферме прохудилась, а материалу для ремонту нету. Хотя, если честно, и резало иногда по сердцу, когда, возвращаясь с работы, подходил он уже в потемках к дому, а навстречу ему, косолапя и радостно лая, катилась по земле маленькая уродица, едва ли не волоча по земле свои уши-лопухи. Нет-нет, не таким, абсолютно не таким мечтал видеть свое приобретение председатель! Но со временем смирился, по привычке, принял собаку такой, какая есть. Благо Воля был добрым, тихим псом, в отличие от соседских и уличных собак никогда не задибался, никого не обижал. Те – наоборот, словно продолжая унижать собрата за отсутствие у них родословной на трех страницах, и как бы желая выказать отечественный гонор, соревновались меж собой в стремлении облаять, обругать низвергнутого аристократа. Подкараулив иногда вдвоем-втроем где-нибудь у речки, начинали преследование, стремясь ухватить за кончик хвоста, за лапу, имитируя нападение. Впрочем, до большой драки дело никогда не доходило. Чаще всего, привлеченные сварой, сельчане, бросали в конфликтующих камень или палку, вынуждая разбежаться по своим дворам. На том обычно и заканчивалось.

Зато дети очень любили Волю. Тянулись к нему, играли с ним. В ответ Воля позволял малышам всё: и надевать себе на шею венки из одуванчиков или ромашек, и впрягать себя в маленькую деревянную колясочку для кукол, и даже отбирать у него сахарные косточки или тряпичную куклу – любимую еще со щенячьих времен игрушку.

Прошел год. Увы, Воля так и не вырос. Дмитрий Александрович полностью смирился с тем, что сторожевой собаки из «немца» не получится, и окончательно утвердился в мысли о том, что Воля, вообще не немецкая овчарка. И требовать с него – неча: ни караулить, ни охранять он не умеет и не будет. Но опять же, как ни крути, а тварь Божья. А раз это так, значит, пусть себе живет. Сам по себе. Имеет право. И начал даже жаловать Волю, как жалуют и жалеют сирых, убогих, в чем-то ущемленных, обойденных природой. На усмешки односельчан Небольсин внешне, казалось, больше не реагировал никак, а внутри... Ну кто, скажите мне, может знать, что у человека внутри? Может, и сожалел, что не послушал в свое время жену, соседей, что поперся, дурында, за тридевять земель, что столько сил потратил и денег угрохал...

Жизнь между тем не стояла на месте. В то лето завелось неподалеку от села сущее наказание Господне – ярый коршун. И повадился пернатый хищник таскать цыплят и молодых кур. Что ни день – то в одном, то в другом дворе – переполах: вот еще у одних «на небо» взял. Умные люди цыплят вообще перестали выпускать на выгул, под навесом держали – «на всякий пожарный случай». У Ерофеевых, соседей Небольсиных, коршун заклевал даже петуха, бросившегося защищать молодняк. И до чего же хитрая бестия – чего уж только не пробовали с ним поделаться – и подстрелить пытались, и индюков даже позавести, а все зря! Напал стервятник внезапно – только замешкается, отвернется хлопотливая хозяйка на минуточку – прибраться, или квашню поставить, а он уже тут как тут. Камнем с неба – брыз, хватъ цыпленка, и был таков. Только и видели! Мужики и ребята постарше пробовали выследить, где у этого исчадия ада гнездо – все высокие деревья в округе облазили, но напрасно. Не робел стервятник ни перед людьми, ни перед собаками. Что характерно, собаки сами боялись страшной птицы, как огня, едва завидев, бросались прочь. Охотился пернатый разбойник среди бела дня, наглед, как хотел. Словно бы издевался над окружающими – попробуй, возьми меня!

Уж до того дошло, что целая делегация объявилась как-то во дворе невольсинского дома. Сход стихийный образовался: «Дмитрий Саныч, вызови снайпера какого – пусть он ему, ироду, бошку снесет! Пулей серебряной! Житья нет. Всех цыплят перетаскал, зараза!» Чуть ли не демонстрация, в общем. Дмитрий Саныч позвонил в райцентр, попросил откомандировать в распоряжение колхоза из воинской части, что была расквартирована километрах в пятнадцати от Больших Камёнок, в Лучинском, стрелков лучших, обещал их поить-кормить, а в случае удачи еще и одарить служивых бараном или двумя овцами. Сулился также в личном разговоре с командиром части поставить бочку

вина тем военнослужащим, которые избавят село от напасти. Но у военных шла очередная проверка, и дело не выгорело. Оставалось надеяться, как и всегда, лишь на собственные силы. Всем селом спроворились организовать дежурство. По трое мужиков с дробовиками, сменяя друг друга, день-деньской торчали теперь, как пни замшелые, на старой колокольне, силясь подловить летающего мерзавца, но все напрасно. Коршун продолжал изгаляться над сельчанами, наемни утащив курицу у Михеевых и двух цыплят – у Семеновичей с третьей улицы...

В один из дней Воля лежал в затишке, в тенечке возле крыльца. Было солнечно и очень жарко. Жена Небольсина, Татьяна Михайловна, зашла за дом развесить выстиранное белье. Минут на пять отлучилась. По двору важно прогуливался только петух Васька, трясая своим алым гребнем, и зорко присматривая за цыплятами в загончике, что стоял неподалеку от забора. Сначала Воля заметил черную точку в небе, появившуюся справа от спящего солнца почти в зените. Пока он, силясь понять, что это за странный объект, дивился и гадал, точка, стремительно увеличиваясь в размерах, превратилась в большое черное пятно и почти рухнула на землю, едва не врезавшись на полном ходу в загон, находившийся метрах в трех-четырех от Воли. Расправив мощные, почти полутораметровые в размахе крылья, «точка», оказавшаяся тем самым коршуном, закогтила замешкавшегося цыпленка и, преодолевая притяжение земли, мощными взмахами крыльев, начала медленный подъем. Воля, как выпущенный из пращи камень, мгновенно взмыл над землей в направлении нежданного гостя и в прыжке успел вцепиться мертвой хваткой в левое крыло налетчика. Крыло было жестким и теплым. Опешивший от такого приема, коршун припал к земле, но сдаваться и не думал! Он снова и снова пытался взлететь, и, стараясь стряхнуть с себя Волю, клевал собаку желтым, как песок на гулиевой речке Шайтанке, клювом, норовя попасть в собачьи глаза, молотил воздух страшными кинжалами когтей, тщась вспороть Волин живот. Но тот, повинувшись только внутреннему яростному зову, внезапно

овладевшему им, всё крепче и крепче стискивал челюсти...

Наконец на шум и переполох, поднявшийся во дворе, из-за дома выбежала Татьяна Михайловна. Увидев происходящее, она набросила свежепостиранную мужнину рубашу на сошедшихся в смертельной схватке. Влажная ткань с головой накрыла противников, превратив их в белоснежный кокон. Лишенная маневра и зрения хищная птица больше не пыталась взлететь. Просто билась, продолжая наносить удары по неведомому врагу, но, постепенно, смирилась с неизбежным и затихла.

В тот вечер к председателю дому с ближних и дальних улиц тянулись и тянулись люди. Миновав калитку, некоторое время паялились на мертвого пернатого хищника, выставленного для всеобщего обозрения на расстеленной посреди двора мешковине, потом проходили в дом. Каждый что-то приносил с собой: Петрайкины – сахарных косточек, Сомашовы – мяса недавно забитой индейки, Курундышевы – те даже самовар притащили в подарок. Односельчане начинали говорить примерно об одном и том же: все благодарили Небольсина за его замечательную собаку, которая спасла село. Многие особо подчеркивали, что, мол, такому исходу дела и удивляться-то особо не приходится, ибо это же не наши дворняги, а настоящая породистая немецкая овчарка с родословной на три страницы! Люди через одного вспоминали пословицу про яблоко, которое, как известно, от яблоньки недалеко падает, и практически все негромко добавляли: «Ты не сердись на нас, Дмитрий Саньч, сам знаешь, за что... Кто старое помянет...». Затем аккуратно, стараясь особо не шуметь, выдвигались на кухню, где за печкой на шерстяном одеяле лежал перевязанный Воля. Пес, не обращая никакого внимания на назойливых зевак, дремал. Рядом лежала любимая тряпичная кукла.

С тех самых пор авторитет Вольки в глазах деревенских собак вырос необыкновенно. Едва завидев одноглазого и сильно приволакивающего после сражения с коршуном переднюю правую лапу Волю, собаки тут же услужливо уступали дорогу, трусливо поджимая хвосты и прижимая уши...

Виктор КОБИССКИЙ

с. Акша.

Родина

...В Петуховском районе
Анатолевка есть.

На глухом перегоне
нужно с поезда слезть.

Если к северо-западу
от блок-поста пойдёшь,
то по хлебному запаху
деревеньку найдёшь.

В этой точке России
за шесть лет до войны
я увидел впервые
снег родной стороны.

Вечерний этюд

В хлебах кричат перепела.
Скрипят у речки коростели.
И тихо девушки запели
у клуба, на краю села.

Поднялся месяц, странно бел,
зари угасла позолота.
Лишь тонкий след от самолёта
в зените неба розовел.

Кровь заструилась горячо.
И с сердцем никакого сладу...
Речной туман принёс прохладу.
Зажглась звезда,
потом – ещё.

Одиночество

Одиночество! –
звучное и печальное слово.
Что-то трубное слышится
в повторяемом «о»,
словно голос тоскующий

В хлебах кричат перепела

журавлёнка больного,
когда стая родимая
поднялась на крыло.
Зябка в полночь осеннюю;
ветер свищет в осиннике,
и дуплистое дерево
стонет серой совой.
Незнакомое озеро.
Омута чёрно-синие,
и коряжина в омуте,
словно сам водяной...

Одиночество –
грустное и красивое слово.
Одиночество –
трудная и тяжёлая вещь,
если нет со мной рядом
человека родного,
если долго не слышу
дорогую мне речь.

* * *

А.В. Адомайтис

Всё явственней тяга земная,
всё чаще раздумья о том,
что, встав у могильного края,
свой мир мы с собой унесём:
ковыльных просторов безбрежность,
сосновых лесов аромат,
любимых последнюю нежность
и недругов скошенный взгляд;
тревоги, заботы, печали,
раздумья над стопками книг,
поэмы, что не дописали,
и отчих окошек огни...

Мы зёрна от плевел отсеем –
увидим последний итог.
С друзьями проститься успеем
И встанем на смертный порог.

Радуга

По лугам между стогами
тёмно-синими столбами
ходят летние дожди.

Мы уехали далёко,
не вернёмся раньше срока –
не надейся и не жди.

В хмуром небе полыхает
только радуга цветная –
замечательный мосток!

Людам это не под силу,
а она соединила
запад твой и мой восток,

принесла улыбку милой,
словно ветер лепесток.

Поздняя осень

В снегу скалистые вершины
почти до линии лесов,
где мокнут ржавые рябины,
где стелются ковры из мхов.
Над нами
рваных туч завеса –
угрюмый и печальный вид, –
походный лагерь наш разбит
у озера на кромке леса.

Ночами дождь перетихает,
а с гор спускается зима
и в ледяные терема
она палатки превращает...

* * *

Уходят в поднебесье
горы,
плечом раздвинув облака.
В песках и лёссе
коридоры
промыла горная река.

Стою под ветром над рекою,
и непонятно, почему
душа наполнена тоскою,
глаза устремлены во тьму,
во тьму времён...
В мгновенье это
почувствовал:
настанет срок –
я рухну под холодным ветром,
и унесёт меня поток.

А жизнь всё так же будет длиться,
и плыть по небу облака.
И будет вечно торопиться
бессонным путником
река.

* * *

Мир без добра
представить не могу.
Мир без добра –
он, как пустыня, страшен:
песок безводный...
ни садов,
ни пашен...
Живёшь, как в заколдованном кругу.

Твоя беда –
она *твоя* беда,
её с тобою разделить не хочет
никто на свете.
О *своём* хлопочет
сосед.
Всё остальное – ерунда.
Вон загорелся дом...
Не кошкин дом –
дом одного почтенного собрата.
Но в мире нет добра.
Давно ничто не свято.
– Горит! Ну, пусть горит!
В сторонке подождём...

Живём, как в заколдованном кругу.
Болото топкое...
Нет ни садов, ни пашен...

Мир без добра –
он, как трясины, страшен.
Мир без добра представить не могу.

* * *

Из первой лужицы
февральской
напился воробей и – пьян.
Перед подругою бахвалится,
топорщит пёрышки буян.

Он знает: много раз метели
ещё зловеще будут вить.
Но шепчут робкие капли,
что скоро время гнёзда вить.

И он куражится, чирикает,
хмелеет от воды живой.
По лужице забавно прыгает
и радуется – сам не свой.

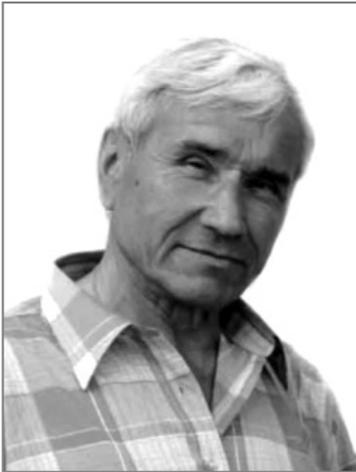
Берёзоньки

Заиндевелые берёзки,
как музыка, как светлый хор –
как будто девочки-подростки
пришли на снежный косогор.

Ручонки к солнцу протянули –
легки, беспомощны, белы...
Берёзоньки, не потому ли
вы сердцу русскому милы?

Четыре секунды

Фантастический рассказ

Кир ШУРОВ

п. Поназырево
Костромской области.

Родился в 1941 году. Учился в Архангельском электро-механическом техникуме. Служил в Советской Армии 30 лет проработал в геолого-разведочных экспедициях глубокого бурения механиком по пуску и наладке бурового оборудования.

Передний край немецкой обороны огрызнулся яростным огнём. Наша артиллерия добросовестно обработала вражеские позиции, но подавить все огневые точки, видимо, не смогла. Едва рота капитана Махова в очередной раз поднялась в атаку, как её снова прижал к земле плотный пулемётный огонь. Прямо во фронт наступающим бил вражеский дзот. А с дальних позиций начали работать крупнокалиберные миномёты. С протяжным воем мины ложились веером, вздымая в небо столбы смрадного дыма и чёрной земли.

Капитан Махов в потной гимнастёрке, прокопчённый и злой, лежал в траншее и орал в трубку полевого телефона:

– Атака захлебнулась! Враг не даёт поднять головы! Рота понесла большие потери! Ударьте артиллерией! Ударьте...

Связь оборвалась. Махов выругался, нервно швырнул трубку на аппарат.

– Связисты! – крикнул он. – Где вы, чёрт вас возьми!?

В траншею скатился невысокий солдат в каске, с автоматом на шее.

– Командир взвода связистов сержант Смирнов! – отрапортовал он.

– Быстро на линию! Найти обрыв!

– Есть!

Пригибаясь, сержант бросился по траншее. Рядом с Маховым внезапно появился замполит батальона, майор Неустроев.

– Плохо дело, ротный?

– Дзот бьёт! – раздражённо сказал Махов, поворачиваясь к нему. – и связь, вот того, – развёл он руками. – Не знаю, поняли меня – нет. Присил артиллерией ударить.

– Не зная точных координат, они дзот всё равно не накроют.

– Пусть попробуют! – рубанул Махов рукой. – Я вперёд выдвинусь, к бойцам!

Неустроев кивнул. Капитан закинул автомат за спину, выбрался из траншеи и пополз. Замполит хмуро глядел ему вслед. С тыла донёсся тяжёлый гул.

– Пушки ударили, – довольно произнёс сам себе Неустроев. – Значит, поняли капитана. Может и дзот этот, будь он неладен, подавят.

Немецкие позиции впереди вздыбились фонтанами разрывов.

Рядовой Виктор Гусев лежал, вжавшись в землю. В ушах у него всё ещё стоял тот свист пуль и грохот взрывов, когда он бежал в атаку вместе со всеми, а вокруг валялись сражённые пулями солдаты. Тогда лишь обрывки одной мысли бились у него в голове: «не попала», «не в меня», «не моя». Упав сюда в ямку, он чувствовал, как вздрагивает и трясётся под ним земля, и Витьке хотелось уйти, спрятаться от этого ада. Но когда стали бить наши пушки, вражеские миномёты смолкли, и Витька с облегчением подумал: «Пронесло».

Выпустив порядочный боекомплект снарядов, батареи успокоились. Наступило затишье. Ни с нашей, ни с той стороны – ни выстрела. Вражеский пулемётчик в дзоте тоже молчал. «Может, фрица укокошило», – подумал Витька, вглядываясь из-под каски вперёд. Потом ударил короткой очередью из автомата. В ответ – молчок. Тогда Витька снял с головы каску и, отведя в сторону, приподнял. Тотчас из амбразуры брызнула огненная струя.

Витька сжался, втянул голову в плечи. Дав очередь, немецкий пулемёт умолк. Витька осторожно, стараясь не поднимать головы, стал осматриваться по сторонам. Несколько солдат неподалеку лежали в нелепых позах. «Убиты», – понял Витька. Ещё один рядом издавал негромкие стоны. «Раненый мучается, и санитаров нет».

– Потерпи, браток! – крикнул Витька. – Сестричка сейчас поможет!

Он крикнул это просто так, чтобы поддержать солдата. Витька и сам не знал, где та сестричка и приползёт ли она. Ещё двое бойцов кивнули Витьке головами. Мол, у нас всё в порядке. Витька так же ответил им и повёл глазами в другую сторону. И у обшарпанного куста ивняка заметил что-то странное. Будто шар надутый полупрозрачный появился и вновь пропал. Солдат напряг зрение, всматриваясь. Сквозь редкие ветки виднелось необычное туманное образование, слабо колышущееся, как большой мыльный пузырь. Оно то возникало, то опять исчезало. «Что за наваждение? – подумалось Витьке. – Немцы чего-то подкинули?» Он стал искать глазами друга Серёгу Мальцева. В момент атаки они бежали вместе, а сейчас его не видно.

– Серёга! Ты где? – позвал Витька негромко.

– Здесь я! Чего тебе? – услышал он сзади голос друга.

– Двигай ко мне!

Серёга подполз и неосторожно приподнялся с земли. Из вражеского дзота тут же ударила очередь. Пули с цоканьем зашлёпали рядом. Друзья уткнули лица вниз. Серёга зло процедил сквозь зубы:

– Вот, скотина, жив ещё! А ты чего звал?

– Не поднимайся, – шепнул Витька. – Поверни голову влево. Погляди на куст.

Серёга повернулся.

– Ерунда какая-то, непонятная, – сказал он затем. – Скорее всего, воздух колышется. Понимаешь? В знойный день такое бывает. Вон как солнце печёт.

Только теперь до Витьки дошло, что вокруг действительно жарко. Июльское солнце палило вовсю.

Эту эпоху он не любил. Перевороты, межэтнические конфликты, локальные войны, терроризм – особенно свойственные двадцатому веку – вызывали в нём естественный протест. Как Хроноразведчик, он понимал, что подобное было закономерно для человечества в течение веков. Но как человек своего времени, он не мог это принять.

В Координационном Центре времени знали эту его черту, поэтому и на задания старались направлять в более поздние эпохи. Главный Координатор Центра всякий раз говорил, что любое задание в первую очередь вызвано научной и технической необходимостью, а уж потом особенностями и наклонностями Хроноразведчика.

Верил он в это или нет, он и сам не знал. Но уходя в древние государства – Шумер, Египет, Грецию или Рим – он чувствовал там себя намного свободнее и проще. Конечно, в любой эпохе он находился как сторонний наблюдатель, без права вмешиваться в дела предков. Это было строгое шестое положение Инструкции

Центра.

Под видом свободного и независимого гражданина того государства, где появлялся, он тщательно фиксировал на Инфоркарту происходящие вокруг события, описывал пороки общества, наклонности людей. На его глазах сменялись на тронах деспоты и тираны, рушились могучие империи под ударами варваров, плелись интриги под мрачными сводами средневековых замков, за спинами великих самодержцев и королей. И он частично это оправдывал, объясняя жестокие поступки древних ещё недостаточным развитием общества и слабым человеческим сознанием. Но двадцатый век – это уже было что-то другое.

Человечество достигло больших успехов в науке, технике, средствах и способах производства. И в то же время оно осталось на уровне дикарей в экологии, культуре, в отношениях между странами и народами. Этот парадокс был особенно ему непонятен. Две страшные мировые войны пронесли по двадцатому веку. Постоянно вспыхивали там и тут другие горячие точки. Нет, он откровенно не любил этот двадцатый век.

Когда в Центре в этот раз он вдруг получил задание выйти в точку с временными и пространственными координатами «Страна СССР. Июль. 1943 год. Курская Дуга», то воспринял это как обязанность выполнять любое задание, но без всякого вдохновения и радости. Задание казалось несложным – наблюдать за боевыми действиями воюющих сторон и постараться выявить идейные качества, настроение и дух простых солдат.

Совершив временной переход, он вошёл в циклоиду текущего тут времени и вышел в пространство в своём аппарате, замаскированном и укрытом от внешних воздействий, временно-силовым полем. Повиснув в редком кустарнике, стал наблюдать. Он попал куда надо – вокруг кипел жестокий бой. Бесперывно грохотали взрывы, воздух прошивали скрещивающиеся очереди и пули со свистом и цоканием резали ветки кустарников, безжалостно валили на землю людей. Для себя он разделил воюющих по характерным отличиям. С одной стороны солдаты были одеты в серовато-зеленоватую форму и круглые шлемы на головах. Они пытались идти вперёд. Но путь им преграждала другая сторона. Солдаты, одетые в более тёмную, мышиного цвета форму и приплюснутые цилиндрические шлемы. Наступающие уже не раз поднимались в атаку, но плотный огонь со стороны обороняющихся снова валил их на землю. Он видел, как под режущими струями пулёмётных очередей гибли бойцы. Он очень жалел их, но не мог им помочь – не имел права. Для конкретного наблюдения и как объект для отчёта он выбрал себе одного солдата, изнаступающих «круглоголовых». Постепенно он стал проникаться к нему уважением. Солдат смело рвался вперёд, и его ещё не зацепила ни одна пуля. И он мысленно стал желать этому солдату удачи, чтобы и в дальнейшем всё для него благополучно обошлось

– У тебя сколько гранат осталось? – спросил Витька Серёгу.

– Две, а что?

– Дай одну. К своей добавлю.

Серёга молча наблюдал, как Витька делал связку из двух гранат.

– Разнесу – этот чёртов дзот, – бубнил Витька себе под нос.

– Давай, я прикрою, – сказал Серёга и, выставив автомат, приготовился.

Перекатившись через плечо, как акробат, рядом возник ротный, с автоматом в руке. Лицо его было чёрным от копоти, глаза блестели. Он хрипло спросил:

– Что, друзья? Положение ни к чёрту?

– Капитан! – сказал Серёга. – Надо дзот рвануть. Не даёт, зараза, подняться.

Витька показал в руке связку гранат.

– Дело, ребята. А сможете?

– Где наша не пропадала!

– Удачи!

Вжимаясь в землю, Витька пополз вперёд. Немецкий пулемётчик молчал. Витька крепче сжал в руке гранаты. «Вон до того холмика доползу и брошу», – мысленно твердил он себе. Сзади раздались автоматные очереди. Это капитан Махов с Серёгой в два ствола, били по амбразуре. Ответа из дзота по-прежнему не было. Это приободрило Витьку. Он замер, примериваясь, как лучше кинуть, чтобы прямо в цель. С колена неудобно. Впившись глазами в темнеющую пасть амбразуры, Витька стал подниматься и заносить руку для броска.

Он тщательно сосредоточился на своём солдате, не выпуская, однако, из вида и другие детали на поле боя. А на нём, насквозь прошитом пулями, казалось, уже не осталось ничего живого. Но вот там что-то задвигалось, зашевелилось, и он увидел, как его солдат выбрался из ямки и пополз вперёд. А оставшиеся двое, стали бить очередями по невысокому холмику, куда и полз солдат. Из-под него, он заметил ещё раньше, и лупил пулемёт, и не давал противнику подняться. Сейчас пулемёт молчал. И он понял, что солдат хочет уничтожить этот холм, бросить туда гранаты. Переживания его за солдата усилились. Чтобы зафиксировать всё до мельчайших деталей, он стал подстраивать корректировку, когда раздался резкий сигнал. Опасность! Он стремительно повернулся и увидел на экране поднявшегося с земли солдата, с гранатами в занесённой руке, и бьющую ему навстречу из-под холма, огненную струю.

– Ах, ты! – вырвался у него возглас отчаяния. – Не успел!

Решение пришло мгновенно. Не раздумывая, он дал команду и Хронолаг послал импульс.

Витька ещё не бросил гранаты, как увидел, что в тёмном провале амбразуры вдруг замелькали торопливые огоньки – яркие, будто звёздочки в чёрной ночи. В ушах застучала пулемётная дробь. Что-то острое резануло ему грудь, обожгло – и тут же лёгкий мерцающий туман окутал его. Мир вокруг исчез, растворился. Витьке показалось, что он взлетел высоко над землёй и опустился на полусогнутые ноги. И это странное состояние длилось для него и бесконечно долго, а может всего один миг. Витька потерял ощущение реальности. И вдруг, придя в себя, обнаружил, что всё ещё

стоит с гранатами, изготовившись для броска, а в ушах замолк стук пулемёта. Тогда он размахнулся и с силой швырнул связку гранат. Падая на землю, успел заметить, что влетели они точно в щель амбразуры. И тут же чудовищный взрыв потряс округу.

Ни капитан Махов, ни ефрейтор Серёга Мальцев, ни другие бойцы роты, с замиранием сердца следившие за ползущим к дзоту Витькой, не поняли, что произошло. Сначала всем показалось, что Витька не успел бросить гранаты, как в него ударила пулемётная очередь. Серёга от отчаяния заскрежетал зубами.

– Срезало!

– Нет! – крикнул Махов.

Серёга вскинул голову. Витька стоял, сжимая гранаты, а стук вражеского пулемёта уже смолк. «Бросай!» – забились у Серёги мысли. И будто услышав её, Витька размахнулся и швырнул гранаты вперёд.

– Молодец! – крикнул Серёга, и они с капитаном Маховым прижались к земле.

Когда грохот взрыва утих, и перестала дрожать земля, они приподнялись. По сторонам тоже зашевелились солдатские каски. Тогда капитан Махов вскочил на ноги и, подняв автомат над головой, закричал:

– Рота, вперёд! За Родину-у-у!!!

Солдаты вскакивали и, поливая автоматным огнём пространство перед собой, побежали вперёд. Мощное «Ура-а-а!» раскатилось над полем. Витька ощупывал ладонью свою грудь. Боли не было, крови тоже.

«Странно, – подумал он. – Выходит, я цел. А мне показалось, грудь обожгло». Кто-то тронул его за плечо. Витька поднял голову, над ним наклонился друг Серёга. Лицо его сияло.

– Ты в порядке!? – крикнул он.

– В порядке.

– Тогда вперёд!

Витька быстро поднялся, и они оба побежали, вливаясь в гущу атакующих солдат.

– А здорово ты этот дзот рванул! – крикнул Серёга на ходу.

Атака была стремительной. Враг не выдержал и отступил со всех позиций. Когда капитан Махов доложил в штаб полка об успешно проведённой операции, седой полковник спросил:

– Солдат, уничтоживший вражеский дзот, жив?

– Целёхонек! – сияя улыбкой, ответил капитан.

– Представить к награде!

– Есть, товарищ полковник!

– Хроноразведчик Мик Вирт!? – голос координатора был чётко и строго. – Ты нарушил шестое положение Инструкции Центра: не вмешиваться в события прошлого. Ты там только наблюдатель. Это тебе понятно?

– Понятно, ваша честь!

– И что же?

Мик Вирт обвёл глазами членов комиссии, сидящих за полукруглым столом. Лица у всех были напряжены.

– Я не мог по-другому, – тихо сказал он.

Координатор молча поглядел на него и включил Инфрочарст.

– В твоей отчётной телепотамме, – сказал он, глядя на светящийся круг инфрокарста, – нет нарушений естественного развития событий до момента, пока ты не вмешался. Почему?

Мик Вирт поглядел в тёмные глаза Координатора и твёрдо сказал:

– Мне стало жаль этого солдата. Ему не хватило всего четырёх секунд, чтобы бросить гранаты прежде, чем в него ударила пулёмётная очередь.

– Это точно?

– Да, так показал мой инвектор.

– И ты применил инверсию?

– Я дал команду и хронолаг сдвинул временную координату в обратную сторону. Перенёс солдата в прошлое на четыре секунды. В результате пулёмётная очередь прошла раньше и мимо. А потом солдат кинул гранаты. Никто этого не заметил. Инверсионное поле было слабым, даже сам солдат ничего не понял.

Координатор опять взгляделся в круг Инфрокарста.

После боя, вечером, Витька с Серёгой расположились на отдых в облюбованной ими немецкой землянке, предварительно выбросив оттуда всякий хлам.

– Хорошо устраивались фрицы, надолго, – говорил Серёга, оглядывая добротное сделанное укрытие. – Тут и лежанки, и скамьи для сидения, и стол для еды, и даже лампа с керосином.

– Немцы, они и есть немцы, – ответил Витька, присаживаясь на скамью.

Чувствовалась усталость, и нервное напряжение никак не отпускало.

– Садись и ты, – сказал он Серёге. – Чего стоишь?

Серёга стоял перед ним и смотрел на него, разинув рот.

– Ты чего? – удивился Витька.

– Ты ранен? – тихо сказал Серёга.

Витька отрицательно помотал головой.

– Нет!

– А это что у тебя на гимнастёрке?

Витька склонил голову и обомлел. По гимнастёрке, наискосок через грудь, проходила ровная цепочка разрывов. Так метили только пули.

– Старые? – со слабой надеждой спросил Серёга, глядя Витьке в глаза.

Витька очумело глядел на него

– Ничего не понимаю. Откуда? – бормотал он.

– А ну, снимай гимнастёрку, быстро!

Витька стянул с себя потную гимнастёрку.

– Ну и ну! – вырвался у Серёги возглас изумления.

У Витьки сильнее заколотилось сердце. Осторожно опустив глаза, он ахнул. По груди, пересекая её, тянулись свежие пулевые отметины, чуть затянутые тонкой прозрачной плёнкой.

В эту ночь ни Витька, ни Серёга почти не спали. Думали. Серёга о том непонятном мираже на поле боя в кустарнике, а Витька о том странном своём состоянии перед вражеским дзотом. Но ни тот ни другой ничего определённого придумать не смогли. Когда утром, после лёгкой дрёмы, Витька открыл глаза, то на груди у себя уже ничего не увидел. Неповреждённой оказалась и гимнастёрка.

Поэзия

Светлана АНДРОСОВА,
г. Муравленко, ЯНАО.

Вечерний эпилог

Крест-накрест перевязаны кварталы
серебряными лентами дорог...
и солнце сыплет блики, будто лалы –
день кончился.
Вечерний эпилог...

Но золото закатных облаков –
фальшивое, когда не видят двое.
А чувства на страницах дневников –
изысканный гербарий,
неживое...

Всё замерло под сердцем как под снегом,
ознобом отзывается январь...
И снова
перейти решает с бега
на медленную поступь календарь...

Застынет одинокое «прости»
на паперти нетронутой страницы,
и новое желание уйти
заспорит с невозможностью проститься...

Крест-накрест перевязаны кварталы
простуженных неонов городов...
И снег опять язвительно картавит,
читая белый стих твоих следов.

Вьюга

«Верни меня, верни меня, верни...», –
стонала обездоленная вьюга,
вальсируя по замкнутому кругу,
раскачивая сонные огни.

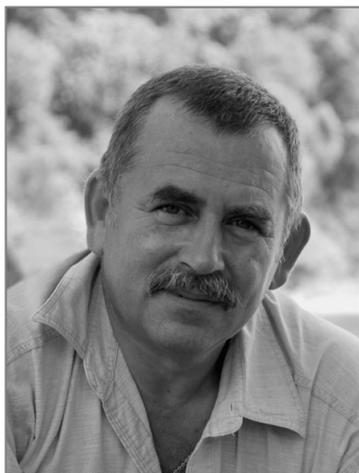
А город был затянут – как в корсет –
в шнуры дорог и ленты тротуаров...
неспешно доставал он из футляра
витрин своих изысканный лорнет.

Казалось, этот вечер отыграл:
не дышит... и согласен зваться прошлым.
Но кто-то, вьюге локоны взъерошив,
усилил вдруг простуженный вокал...

Два – ведомо ль откуда? – башмачка
спешили... и будили перекрёсток...

И вьюга позабыла норы хлётский,
у лунного танца ночника...

Взлетала, словно падала – на бис! –
без боли, без холодного испуга.
И пела зачарованная вьюга:
«Люби меня, люби меня, люби...»

Виталий СЕРКОВ

г. Сочи.

За Рубцова обидно...

Виталий Геннадьевич – член Союза писателей России. Автор нескольких поэтических сборников, а также многих публикаций в центральных и региональных журналах – «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Российский колокол», «Советский воин», «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Двина» (Архангельск), «Русское эхо» (Самара), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Настоящее время» (Лондон) и в других периодических изданиях.

Дипломант Всероссийской православной литературной премии имени Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского (2007 год) за верное служение русской поэзии.

Ночные крики

*Стих ресторан, шумевший подо мной,
Но оглашалась криками округа:
– Григорьев, гад, пойдёшь ли ты домой?
Взывала чья-то верная подруга...*

*– Григорьев, гад, пойдёшь ли ты домой?
Я крикну в форточку: «Не ходи, Григорьев!
Дыши вольней: семь бед – один ответ,
Да сколько мы живём на этом свете!»*

*Один лишь довод вес имеет: «Дети...»
Тогда конечно... Всё. Вопросов нет.
Александр Бобров. Гостиница. Полночь.*

Альманах «Русский смех». 2007 год. Нижний Новгород.

*Какая ночь стояла, Боже мой!
Но крик летел, ночную тишь минуя:
– Наталья, дрянь, пойдёшь ли ты домой?
Взывал мужик, скорей всего ревнуя.*

*– Поди-ка ты прошла и Крым, и Рим, –
Подумал я, – большая жизнелюбка...
Да ведь и мы судьбу благодарим,
Когда легко спадает бабья юбка.*

*Я понимаю: выплатить кредит,
Потом тянуть, как баржу, ипотеку...
Но как же счастьем это всё вредит!
А старый друг зовёт на дискотеку...*

*– Наталья, блин, пойдёшь ли ты домой?!
Я крикну в небо: «Не ходи, Наталья!
Коль дом тебе стал клеткой и тюрьмой,
Твой муж-ревнивец – попросту каналья.*

*И действуй по наитью, без затей.
Беги скорей, беги по зову крови!
Оставь ему квартиру и детей –
Пусть морщит нос и грозно сводит брови...»*

Прозрение

*Поэты-братья, нам ли унывать!
Нас не придушат бабы в пьяных драках.
В. Шемшученко. «Поэзию чувствуют кожей»
(Цитата-эпиграф к стихотворению Т. Лестевой)*

*...Был не крещён. Но... «Православный!!!»
Цитируют одно и то же:
Россия, Русь, погост и храмы...
Потоком мутным льётся ложь.
Довольно од, в конце концов!
Его стихи я твёрдо знаю:
«Я, Николай Михайлович Рубцов,
Возможность трезвой жизни отрицаю».*

Татьяна Лестева. Певцам Николая Рубцова.
«Невский альманах» № 4-2012

*«Мне лезть чужда», – признаюсь я Вам сразу,
Хотя крещён. К тому же, сам пишу.
А графоманства вечную заразу,
Как вонь носков, на дух не выношу.*

*Но Вы, Татьяна, стали гениальной.
Рукою Вашей ангелы вели,
Когда «В минуты музыки печальной»
Из-под пера взлетали «Журавли».*

*«Высокий дуб. Глубокая вода»,
«То жёлтый куст, то лодка кверху днищем» –
Какие строки в Ваши невода
Зайти умели, а не этих... нищих!..*

*«О чём писать? На то не наша воля!»,
Но Вам и тут удача улыбнулась:
«Звезда полей», слетев с небес, у поля,
Увидев Вас, стихами захлебнулась.*

*«Россия, Русь! Храни себя, храни!»,-
Прозрев, Вы в миг единый начертали.
Рубцов ли, Шемшученко ли – они,
Задуматься, сдались Вам на черта ли?!*

Один – не расстается с бородой,
В глазах его нездешний свет мерцает...
Другой – сказал, намыкавшись с бедой,
Что трезвый образ жизни отрицает.

«Рукой раздвинув тёмные кусты»,
Узрели Вы «Осенние этюды»
И вздрогнули: за ними вновь кресты...
...А истинная слава у Иуды.

Возвращение в реальность

*Я был (и отрицать не стану)
Глазами – в некотором виде.
И должен стать теперь устами,
Чтоб рассказать, что я увидел.*

А. Жуков. Читая Ницше.

*Что-то сердце побаливать стало –
С перебойми бьётся, устав.
Я боюсь: упаду с пьедестала,
на него ещё даже не встав.*

А. Жуков. «Что-то сердце побаливать стало»
Из книги «Самоанализ» Москва. «Академия поэзии» 2011 г.

Я был глазами – много видел,
Устами – много говорил,
Но хрен, с бугра, став мною, выдал,
Что дел я много натворил.

Передней плотью став, к примеру,
Держал я разум свой в узде
И знал в делах интимных меру,
Не засыпая в борозде...

Я превращался даже в кукиш
И лез под нос своих врагов,
Крича при том: меня не купишь,
Копыт отродье и рогов!

Я мучил душу и гитару
И превращался в три перста,
И с другом шёл к пивному бару,
Всего-то ходу – лишь верста.

Когда ж душа меня «достала»,
Подумал: «Памятник? На кой?!»
Лишь выпьешь лишку – с пьедестала
Слетишь, очнёшься же – нагой!...

Ах, этот русский, несносный, язык

*...А у нас, – не пойму, – что погоде за корысть
Белоснежный лишать Петербург красоты...
...Где-то небо ночное – сапфир с астеризмом...
...Прилетит ли зима королевой снежинок
И набросит на город наряд из парчи,
Чтобы он засиял миллиардом искринок...*

Т. Лестева «Где-то снег и мороз»
«Невский альманах» № 4-2012 г.

А у нас, – не пойму я, – корысть или корысть
Набирает скорость (или, всё-таки, скорость?)
Ах, Ожегов считал, что по-русски «корысть»?
До него ли?! Поэтов спешу я загрызть.

Понаедут – и в Зимний (по Летнему) дворец.
А в душе-то любой из творцов – чудотворец.
Да и в лирике их стонет боль историзма,
А в моей – шесть лучей лишь звезды астеризма.*

Жаль, гонорар «Альманах Невский» не даёт.
А душа-то при виде сапфиров поёт.
А зайду я на Сенный** рынок (или рынок?) –
Улыбнётся он мне миллиардом икринок.

И смеётся осётрина (иль осетрина?),
И ехидством пылают глаза осетина.
А ещё «тараканьи смеются усища»***
Вспомнишь на ночь – и сразу со страху ус...я.

* звёздчатый Сапфир обнаруживает астеризм в виде шестилучевой звезды.

** Сенной рынок – историческое место в Санкт-Петербурге.

*** строка из стихотворения О. Мандельштама о И. Сталине.

Исповедь призрака Сергея Есенина

*Дни за поводья зари
Чёрную лошадь введут...
...Слёзно о русской избе
Шепчет в полях резеда...
...Слёзы с небесных высот
Выпьют в бору глухари...
...Горько о русской судьбе
Плачет в полях резеда.
«Дни за поводья зари»*

*Русь, я спою для тебя колыбель –
Ту, что мне мать напевала...
«Русь, я спою для тебя колыбель»*

С. Бударин. Свет – синева. Русское эхо. 2012.

Не жалею, не зову, да и не плачу.
А зачем, когда на пару с резедой
Плачет юноша, мою пугая клячу
Низким стуком, уподобясь козодю?

Колыбельную он спутал с колыбелью.
Хочет спеть, откроет рот – оттуда зыбка
Вылетает и со страшным свистом келью
Облетает, на жерди качаясь зыбко.

Даже иволга в дупле своём замолкла:
Не зря взошла на небо, а поводья...
Видно, так от слёз поэзия намокла,
Что стихия наступила половодья.

Кляча чёрная с трудом телегу катит.
«Не грусти, Сергунька, – ржёт, – очнётся Муза.
Краткий путь – гипотенуза, а не катет,
Потому-то и вредна гипотенуза...»

Ах, по-своему права во многом кляча.
Я-то знал её кобылою красивой!

И поэтому, иронии не пряча,
«Приласкал» слегка Бударина крапивой.

Слова, идущие от сердца

Многообразие поэтического творчества Владимира Тыцких

Светлана МАЛИКОВА

г. Владивосток.

Светлана Борисовна закончила отделение журналистики ДВГУ. Работала редактором отдела радиорекламы в ВГТРК «Владивосток», директором рекламного агентства «Новый день». Публиковалась в литературном альманахе «Паруса-4», поэтических сборниках ТГЭУ «Волшебный и прекрасный мир», «Сияй, душа!», в «Литературном меридиане». Автор книги стихотворений «Отражение» (2005 г.) и коллективного экспериментального сборника «Литературный транзит: Тояма – Владивосток» (2010 г.). Член правления Приморского отделения общества дружбы «Владивосток – Тояма». В настоящее время работает в Школе экономики и менеджмента ДВФУ, является одним из организаторов литературного сайта «Новый день».

Эта литературная статья родилась сама собой после знакомства с поэтическими сборниками Владимира Тыцких. Многие знают Владимира Михайловича как великолепного организатора, литературного подвижника, однако собственно творчество этого неординарного человека – писателя и поэта – пропагандируется, на мой взгляд, незаслуженно мало. Он никогда не кичится собственным «я», привык и к тяжёлой военной морской службе подводника, и к нелёгкой «гражданской» работе.

В начале нулевых годов Владимиру Тыцких удалось организовать департамент информации и печати МГУ им. Г.И. Невельского, творческий коллектив которого слаженно и дружно работал много лет. Затем ему довелось пережить сокращение департамента, создание издательства МГУ и опять сокращение, после которого Владимир Михайлович вынужден был расстаться с морским университетом. Но он сумел сохранить значимые для приморских литераторов проекты – литературную студию «Паруса» и издательскую программу «Народная книга». «Паруса» ставят на ноги и отправляют в творческий, богатый впечатлениями путь начинающие таланты. «Народная книга» делает достижением гласности имена новых авторов, позволяя приморцам достойным образом издать свои произведения. Но «нет пророка в своём Отечестве», и мы порой воспринимаем помощь таких людей как должное...

Не ожидая благодарностей, Владимир Тыцких продолжает делать своё главное дело – писать и продвигать творчество талантливых людей. Он является действительным членом Русского географического общества, руководит журналом «Сихотэ-Алинь», участвует в судьбе «Русского мира», «Литературного меридиана» и при этом пишет критические статьи, прозу и не расстается с поэзией.

Одной своей знакомой я прочитала стихотворение офицера-тихоокеанца, где он говорит, что человеку многого для счастья и не нужно:

*Умеренны потребности мои:
Не будь сапог, могу ходить в обмотках
И жить среди друзей, в кругу родни,
Как в экипаже на подводной лодке.*

*Для честной жизни не нужны счета
В швейцарских банках, вилла на Багамах;
Когда душа свободна и чиста,
Твой кошелёк пустой – совсем не драма.*

*Совсем не горе стоптанный каблук,
Пока баширак не пропускает воду;
И другом остаётся верный друг
Отнюдь не злату-серебру в угоду.*

*В поношенной рубахе нет беды,
И вовсе без рубахи – нету страха:
Что для любви, которой счастлив ты,
Хоть старая, хоть новая рубаха?*

«Прекрасные стихи!» – сказала подруга, и дальше мы вели долгий разговор о многом, что навеяла поэзия Владимира Тыцких.

О Родине, о матери, о своём детстве – обо всём рассказывает поэт в своём творчестве. О родной земле, о братьях, о любви, о женщине – то есть о том, что поэту близко и дорого. За его душевные ценности, проникаешься невольным уважением, а читая стихи постигаешь особую житейскую мудрость.

*И долго было мне секретом,
И трудно открывалось мне,
Что два совсем различных ветра
Есть на морях и на земле.
Я каждого из них приметил
И разглядел в конце концов,
Что льнёт к спине – противный ветер,
Попутный ветер – бьёт в лицо.*

«Попутный ветер» – не тот, что льнёт, а тот, что бьёт в лицо, преодолевая который, ты становишься ближе к достижению цели. Не бывает лёгких побед. Поэтому и в людях Владимир Тыцких ценит самоотверженность, мужество и беспредельную любовь. В строчках его поэзии сохранены все чистые истоки нетронутой земли, из которой он родом, и с которой у него невидимая связь на протяжении всей жизни. Постоянно растёт и закаляется его талант, его могучие человеческие силы находят всё новое и новое применение, а на малой Родине в Прииртышье – заброшенность и опустение. Отсюда и боль:

*Вот приехал на родину... Странно –
Мне теперь заграница она.
Я на этой земле окаянной
Веселее знавал времена.*

*В кои веки я здесь, в кои веки!
Всё не так здесь, как было всегда:
Только вспять не повернуты реки,
Да текут – неизвестно куда...*

Поэт был бы рад изменить мир к лучшему, дать своей земле «второе дыхание», но если там, на Родине, это не в его силах, то здесь, во Владивостоке, он преобразует наш творческий мир, делает его богаче и светлее. Счастье, что, несмотря на все болезни века, есть в народе душевно здоровые силы, настоящие богатыри и защитники русской земли, к которым Владимира Тыцких можно безошибочно отнести. Он сам и есть тот «русский дух» – сильный и непобедимый во все времена, от которого тысячи добрых сердец заряжаются позитивом. Связь с Родиной, как боль в сердце, у каждого своя.

Надпись на сгоревшей бересте
*Прости, святая Русь,
Мой непобедный стих,
Не за себя боюсь –
За гусяров твоих.*

*Про горный свет поём
На дне вселенской тьмы.*

*Да мы ли здесь живём?
Да и живём ли мы?*

Каждый стих как вздох русской души. Не о ямбах и хореях, а о красоте души человеческой хочется говорить. Наша Большая Родина состоит из малых, а если те остаются «волчьими углами» или превращаются в «медвежий край», то значит, не всё благополучно в таком Отечестве.

*Волчий угол. Край медвежий. Даль родная.
Спящий космос за стеною избяной.
Тихой звёздочкой мерцает хата с краю.
И не с краю нету хаты ни одной.*

Художник, любящий жизнь, никогда и в мыслях не допустит, что его «хата с краю». Ему до всего происходящего в мире, есть дело, потому что он любит жизнь и этот мир. Его поэтические картины сотканы из многих прекрасных мгновений, из самых лучших движений души. Неповторимая природа «говорит» в его стихах, удивляет, даёт пищу для ума. Его поэтическая натура откликается, и он щедро делится этим богатством с нами.

*Я верил – там небо синее и выше,
Где русло пробив среди снежных полян,
Вода родников моего Прииртышья
Впадает в неведомый мне океан.*

*Уже породниться с дорогой далёкой
И мне предначертано было судьбой.
Начнётся она как река – от истока.
И канет как в море – в дали голубой.*

*Но как бы меня по земле не мотало,
Со мной до последних останутся дней
Река с берегами в кустах краснотала
И лодка моя, отражённая в ней...*

Фигура поэта Тыцких выдвинута самим временем, потому что именно такие, беззаветно служащие творчеству люди, востребованы сегодня. Его авторитет и организаторские способности выдвинули его наряду с другими коллегами по творческому цеху во главу писательского и поэтического движения богатого талантами Приморского края. Эти люди ведут за собой всех, кто ступает на сложную писательскую стезю. Не столкнуть людей с этого пути, а всячески поддержать – так понимает свою задачу Владимир Тыцких. И в крае найдётся много его учеников, обязанных ему своим успехом на литературном поприще. Он постоянно учится сам и учит других умению раскрывать как можно шире свои творческие возможности. И многие его лучшие качества у него из детства, о котором он постоянно вспоминает.

*Слетались птицы... Белый снег летел...
А дальше лишь отдельная картинка.*

*Вот – мне «со смехом» принесли ботинки
(Я слово «мех» ещё не разумел).*

*Вот – мама, расхворавшись, прилегла
И мне, глаза исплаканные пряча,
На ливерные пончики без сдачи
Блестящие копеечки дала.*

*О, мама, не дано ей было знать
(И до сих пор я сам не понимаю),
Зачем я, даже азбуки не зная,
Истратил их на общую тетрадь...*

«А, вообще, – рассуждает Владимир Тыцких в своих сборниках, – если бы у меня не было друзей, написал бы я хоть одно стихотворение?». Но это лишь одна сторона медали. Другая – читаю его поэтические книги «Ветер в лицо» и «Поклонная гора» и понимаю, что он умеет любить. По-настоящему. Вот отчего так захватывают дух такие строфы:

*Поздний февраль со своими проказами,
Лес заметённый, пихты в снегу.
Что-то сердечное – жестом ли, фразой –
Я говорю, а сказать не могу.*

*Сладко связало нас тайными узами
Всё, чем я был окружён и сражён –
Необъяснимо и вечно, как музыка,
И мимолётно, как утренний сон.*

*Память уже собирается с силами,
Чтобы за всё поклониться судьбе,
Но за любовь, что она подарила мне
Я благодарен останусь тебе.*

*Был ли февраль со своими проказами?
Мы так легко согрелись вдвоём,
Будто бы август нам сказки рассказывал,
Как хорошо мы с тобой заживём.*

*Милая, ты в эти сказки поверила.
Воспоминанье о том феврале –
Словно от веточки зимнего дерева
Тонкая тень на холодном стекле.*

Иногда на концертах я плачу, когда музыка задевает за живое. Счастливые минуты! Такие же непередаваемые мгновения испытываю, прикасаясь к поэзии Тыцких. Она многогранна, и о любви – отраде женского сердца – в ней немало строчек.

*Обнимешь молча и уронишь руки,
И с одинокой женской маятой
Останешься за краешком разлуки,
За серою причальной чертой.*

*А я среди знобящего простора
Согретый тем, что в памяти унёс,
Не вспомню ни обиды, ни укора,
Ни горьких слов, ни бесполезных слёз.*

*Но если даль зашторится туманом,
А небеса окрасятся свинцом, –
Над тёмным штормовым меридианом
Взойдёт твоё спокойное лицо.*

Мелодичная поэзия, и композиторы подметили эту её особенность, переложив уже не одно его стихотворение в «песни со смыслом», что выгодно отличает их от «песен из двух строчек».

Интересно, что родом Владимир Тыцких из одних мест с ярчайшим талантом – Василием Шукшиным. Видимо, земля там особая, раз рождаются люди яркие и одарённые...

*Великая, не знающая края,
взлетающая, падать не боясь,
единственная, вдребезги родная,
красавица, низвергнутая в грязь,
простуженная, хриплая, босая,
не верящая больше ни во что,
способная и жить, и умереть играя,
та, без которой мы никто, –
в последний раз, коль суждено судьбою,
не плача, не страшась и не скорбя,
дышать, мечтать, молиться перед боем
Тобою
О Тебе
И за Тебя!*

Интересные факты

***

Раз в три месяца река Контровод, находящаяся в бассейне Амура, меняет свое русло, попеременно впадая то в приток реки Уссури Бикин, то в саму Уссури.

***

Озеро Пич-Лейк, состоящее из высококачественного жидкого асфальта, находится в кратере грязевого вулкана на острове Тринидад.

Согласно прогнозам учёных, озеро может оставаться источником асфальта ещё 400 лет.

***

Идиома «птичье молоко» у многих народов означает нечто недостижимое. Русская поговорка гласит: «Всё есть у богатого, опричь птичьего молока», похожее выражение существовало ещё в Древней Греции. Сам же торт «Птичье молоко», с которым

в первую очередь сегодня ассоциируется это выражение, появился менее столетия назад, в 1920 году.

***

В теле человека насчитывается 100-160 миллиардов капилляров. Средняя суммарная длина капилляров взрослого человека составляет приблизительно 100 тысяч километров, а это в 2,5 раза больше длины земного экватора.

Имя твоё

1. Мед-лен-ный снег при-ле-тит с под-не-бесь-я,
лёд на ре-ке как хрус- таль го- лу- бой. Лишь о те-
-бе мо- я зим- ня- я пес- ня - зим- ня- я
ра- дость и зим- ня- я боль. Звёзд- ну- ю шаль мне на-
-ки- нст на пле- чи гул- кий ап- рель за со-
-бой по- зо- вёт. Жду я то- бой не- о-
-бе- шан- ной встре- чи, в пес- не ве- сен- ней лишь
и- мя тво- ё. // лист зо- ло- той.

Музыка Сергея МОРОЗОВА, г. Артём.
Стихи Веры ГУНДАРЕВОЙ, г. Артём.

Имя твоё

Медленный снег прилетит
с поднебесья,
Лёд на реке – как хрусталь голубой.
Лишь о тебе моя зимняя песня –
Зимняя радость и зимняя боль.

Звёздную шаль мне накинет на плечи
Гулкий апрель, за собой позовёт.
Жду я тобой необещанной встречи,
В песне весенней – лишь имя твоё.

Ливень нахлынет ли, зноем окатит –
В ярких зелёных заполненных днях
Летняя песня, как летняя память,
Не отступает вновь от меня.

Мечется сердце в безумной погоне
За ускользящей дерзкой мечтой.
Может быть, осень спасёт и уронит
Прямо в ладони мне лист золотой.

Ведущий рубрики –
Александр КАПИТАН,
г. Владивосток.

ВНИМАНИЕ! Музыкальные композиции (тексты песен в формате WORD и ноты в графическом формате) присылайте музыкальному редактору **Александру Кирилловичу КАПИТАНУ** по электронной почте: russtrio@mail.ru с обязательной пометкой – для «Литературного меридиана».

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ОТКЛИКИ

***

Ваш журнал производит хорошее впечатление, никак не периферийное издание.

Галина БЕЛЬСКАЯ, г. Братск.

***

Рецензия на «**Волга-Волга. Геннадий Богданов, Хабаровск**» («Литературный меридиан»).

Уважаемый Геннадий! Я в основном работал на «Дальнебойке». Пятница для водилы – «святой день». Имею в виду то светлое время. «День шофера» мы отмечали на площадках между тягачом и прицепом. По той причине, что в гараже мы не появлялись неделями, а иногда и месяцами (в зависимости от дальности командировки), то по пятницам нас не гоняли. Всё остальное описано с огромной точностью. Чувствуется наша косточка: шоферская и писательская. Отлично написано.

Александр ОЛЕНЦОВ.

***

Рецензия на «**Евгений Весник. Сны**» («Литературный меридиан»).

Сон третий произвел (на меня, во всяком случае) сильнейшее впечатление. В том что «единственная глупость, которую совершают животные – чрезмерное доверие к человеку» – согласна с автором абсолютно и в восторге от его формы выражения.

Анна-Нина КОВАЛЕНКО.

***

Рецензия на «**Где же ваш Бог? Владимир Костылев**» («Литературный меридиан»).

Печальный, хотя и поучительный рассказ. Так бессмысленно прожила старуха-пенсионерка свои последние дни, а могло быть все иначе... Очень жаль! Видно, мало что знала старуха о Православии. А всё от невежества. Спасибо вам большое.

Елена ЯРИНА.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **один** раз.
  2. Отдельные произведения набираются на компьютере или печатаются на печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
  3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: полное имя автора (без отчества), его фамилия и наименование населённого пункта, в котором автор проживает (в произведениях, присланных в электронном виде, авторские данные указываются **один** раз). Отдельным документом прилагается биографическая справка.
  4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
  5. Текстовые файлы принимаются в формате **WORD**. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**).
  6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Кóстылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также рукописные работы, ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2013 ГОД (осуществляется круглый год)

	полгода	год
«Литературный меридиан»	370 руб.	570 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Кóстылева Владимира Александровича** по адресу для корреспонденции:

692342, Россия, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16, ежемесячник «Литературный меридиан».

Ежемесячник высылается почтой по указанному подписчиком адресу. Дополнительных затрат подписавшийся **не несёт**.

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС 77–33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: В.А. Костылев

Объём издания – 8 печатных листов.

Тираж 500 экз. (включая электронную версию)

Цена свободная.

Номер подписан в печать по графику и фактически 17 мая 2013 г. в 17-00.

Адрес издателя и редакции:

г. Арсеньев, ул. Островского, 8/1-20.

Отпечатано в ЗАО «Полицентр»:

г. Арсеньев, ул. Заводская, 5.

Дата выхода номера в свет – 20 мая.

16+

АДРЕС ДЛЯ ПИСЕМ:

Россия, Приморский край, 692342, г. Арсеньев-12, а/я 16, ежемесячник «Литературный меридиан»,
Кóстылеву Владимиру Александровичу.

Тел. (+7) 914-666-1-999 (МТС); (+7) 924-336-21-27 (Мегафон) (с 01.00 до 15.00 по Москве)

E-mail: **Lm-red@mail.ru** Наш сайт: **www.Litmeridian.ru**

Номер счёта в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО И ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТОВ, А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ,
И ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ.**

Редакция «Литературного меридиана» проводит курс на расширение творческих связей с литературными изданиями России и Зарубежья: «Сихотэ-Алинь» (г. Владивосток), «Огни Кузбасса» (г. Кемерово), «Провинция» (г. Петропавловск, Казахстан), интернет-журналом «Молоко».

Наводнение. Фото Владимира КОСТЫЛЕВА, г. Арсеньев.

Внимание! Подписка продолжается!

Стоимость полугодовой подписки составляет 370 рублей, годовой – 570 рублей. Указанная сумма отправляется почтовым переводом по адресу для корреспонденции:

692342, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16,
редакция журнала «Литературный меридиан»,
Костылеву Владимиру Александровичу

Справки по E-mail: Lm-red@mail.ru
или по телефону: 8-914-666-1-999

Закат на море. Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, г. Владивосток.

